

АВТОНОМНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА - ЮГРЫ
"ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ"

А. Н. СЕМЕНОВ

КУЛЬТУРА ЭПИСТОЛЯРНОГО ЖАНРА

КНИГА ДЛЯ УЧИТЕЛЯ

ХАНТЫ-МАНСИЙСК, 2017

Автономное учреждение дополнительного профессионального образования
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Институт развития образования»

А. Н. Семёнов

КУЛЬТУРА ЭПИСТОЛЯРНОГО ЖАНРА

Книга для учителя

Ханты-Мансийск
2017

УДК 800.86

ББК74.268

С

*Рекомендовано научным Советом
АУ «Институт развития образования»
Протокол № 6 от 20.11. 2017 г.*

Автор:

А. Н. Семёнов, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой общего и дополнительного АУ ДПО ХМАО – Югры «Институт развития образования», член Союза писателей России

Рецензент: **Д.В. Ларкович**, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики СурГПУ

Культура эпистолярного жанра. Книга для учителя / автор А. Н. Семёнов. – автономное учреждение дополнительного профессионального образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Институт развития образования». Ханты-Мансийск : Институт развития образования, 2017. – 60с.

Эпистолярный жанр оказался на сегодняшний день почти утраченным как в жизни, так и в художественном тексте. Представление о типах содержания письма, которые представлены в пособии, даёт возможность каждому обратившемуся к этой, пусть сегодня и мало распространённой форме общения, выбрать стиль, интонацию, формы обращений в зависимости от ситуации, характера информации, которую необходимо передать, в зависимости от того, кто является адресатом и в каких отношениях с ним находится автор.

УДК 800.86

ББК 74.268

© Семёнов А. Н., 2017

©АУ «Институт развития образования», 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Устная и письменная речь. Письмо.....	4
Немного истории.....	13
А если практически.....	27
Концепт <i>письмо</i> в художественной литературе.....	29
Тип письма и этикет.....	39

Устная и письменная речь. Письмо

*С помощью письма лучше всего проникаешь в человека.
Слово ослепляет и обманывает,
потому что оно сопровождается мимикой лица,
потому что видишь, как оно сходит с губ
, потому что губы нравятся, а глаза соблазняют.
Но чёрные слова на белой бумаге — это душа нараспашку.
Ги де Мопассан*

*Читателя пишущий воображает.
Даже если пишет письмо
адресованное определённому лицу.
Собеседника, слушателя
при живом общении воображать не приходится.
Ираклий Андроников*

Изначально необходимо одно принципиальное напоминание о том, чем различаются устная и письменная речь.

Главные характерологические особенности устной речи заключаются, во-первых, в её спонтанности, т. е. её неподготовленности и, во-вторых, в необратимости развёртывания речи во времени.

В связи с первой особенностью можно услышать, например, в каком-либо общественном собрании: «я сегодня не собирался говорить (выступать)...» или: «простите за неподготовленность моего выступления...». Есть пословицы и поговорки о том, как спонтанно, без подготовки может строиться устная речь: «Слово родит, а другое само бежит».

А связи со второй у разных народов существуют пословицы и поговорки о невозможности вернуть, исправить сказанное:

«Слово — не воробей, вылетело — не поймаешь», «Слово не воробей: вылетит — жди беды», «Сорвалось словцо — не схватишь за кольцо», «Выговоренное слово уже не проглотишь», «Выпустил словечко, не догонишь и на крылечке», «Выстрелив, пулю не схватишь, а слово, сказав, не поймаешь».

У письменной речи есть свои особенности.

Во-первых, письменную речь (текст) можно редактировать до того момента, когда пишущий не завершил окончательное формирование текста — написание рассказа, повести, романа, школьного сочинения завершается тогда, когда они либо опубликованы, либо сданы на проверку. Правда, в связи с литературным произведением бывает так, что при очередном переиздании автор вносит исправления, появляется новая редакция. Вследствие этого, к примеру, под некоторыми стихотворениями Бориса Пастернака стоит двойная дата: «1913, 1928». Сегодня такая возможность имеется в случае публикации текста в интернете.

Во-вторых. Если устную речь можно вторично прослушать с использованием средств аудиозаписи, то к письменному тексту можно возвращаться к тексту неограниченное количество раз. Этот текст может читаться с какими угодно, медленно или быстро, внимательно или только проглядывая абзацы и страницы.

К письменной речи предъявляются более строгие требования относительно связности текста: «В тех случаях, когда на письме фиксируется логически подготовленная речь, предложение выражает логико-смысловые связи посредством сложных синтаксических конструкций (причастные и деепричастные обороты, распространённые определения, вставные конструкции и т. п.)»¹.

Письменная предполагает (требует) определённого синтаксиса, порядка слов, что не является строго обязательным для речи устной. С точки зрения орфоэпической речь, зафиксированная на письме, не знает деформации слов относительно увеличения или уменьшения длительности звуков, его составляющих или связанной с особенностями произношения конкретным человеком. Исключение могут составлять те случаи, когда редукция связана с изображением особенностей речи персонажей. В повести А. И. Куприна «Поединок» один из героев, кривляясь, восклицает «с пьяным умилением:

— Божественная! И как это начальство позволяет шущештвовать такой красоте! Рру-учку!.. Лобзнуть!..»

Тот же герой на протяжении всей повести на свой манер произносит слово «это»:

— Эх, братец ты мой, — с сокрушением поник головой Лех. — И ты такой же перец, как и они все... Гето... постой, постой, прапорщик... Ты слышал про Мольтку? Про великого молчальника, фельдмаршала... гето... и стратега Мольтку?...»¹

«— Гето, братец... ах, какой ты дерзкий... Ты ещё мальчишка, а я, гето... Был, я говорю, такой случай...

— Только кровь может смыть пятно обиды, — вмешался напыщенным тоном поручик Бобетинский и по-петушиному поднял кверху плечи.

— Гето, был у нас прапорщик Солуха, — силился продолжать Лех...»²

Ещё один персонаж перемежает русскую речь с французской, искажая и ту, и другую:

«— Ме, мон ами! — Бобетинский поднял кверху плечи и брови и сделал глупые глаза. — Но... мой друг, — перевел он по-русски. — С какой стати? Пуркуа?»³ Право, вы меня... как это говорится?... Вы меня эдивляете!..

— Дорогой мой, пожалуйста...

¹ Русский язык. Школьный энциклопедический словарь / Под ред. С. В. Друговейко-Должанской, Д. Н. Чердакова. — СПб, Санкт-Петербургский университет, 2014. С. 263.

¹ Куприн А. И. Поединок / Куприн А. И. Повести. Рассказы. — М.: Олимп, Издательство АСТ, 1996. С. 266-267.

² Там же. С. 263.

³ Почему? (фр.)

— Пойдите... Во-первых, без фэ-милль-ярностей. Чтэ это тэкое — дорогой, тэкой-сякой е цетера⁴?

— Ну, умоляю вас, Петр Фаддеич... Голова болит... и горло... положительно не могу.

Ромашов долго и убедительно упрашивал товарища. Наконец он даже решил пустить в дело лесть.

Ведь никто же в полку не умеет так красиво и разнообразно вести танцы, как Петр Фаддеевич. И кроме того, об этом также просила одна дама...

— Дама?.. — Бобетинский сделал рассеянное и меланхолическое лицо. Дама? Дрюг мой, в мои годы... — Он рассмеялся с деланной горечью и разочарованием. — Что такое женщина? Ха-ха-ха... Юн енигм!¹ Ну, хорошо, я, так и быть, согласен... Я согласен»².

Не менее показательный пример изобразительной передачи на письме своеобразия речи героев демонстрирует рассказ Надежды Тэффи «Переоценка ценностей», передающем ход собрания гимназистов, решивших бороться за свои права:

Петя Тузин, гимназист первого класса, вскочил на стул и крикнул:

«— Плежде всего надо лассуждать пло молань, — выступил вперёд очень толстый мальчик, с круглыми щеками и надутыми губами. — Молань важнее всего.

— Какая молань? Что ты мелешь? — удивился Петя Тузин.

— Не молань, а молаль! — поправил председателя тоненький голосок из толпы.

— Я и сказал, молань! — надулся ещё больше Иванов-третий <...>

— А почему тоже говорят, что нельзя класть локти на стол? Всё это вздор и ерунда, — подхватил кто-то из напиравших на дверь. — Почему нельзя? Всегда буду класть...

— И стоб позволили зениться, — пискнул тоненький голосок»³.

Письменная речь более склонна к употреблению элементов книжного языка. «В целом письменная речь гораздо больше, чем устная, ориентирована на соблюдение нормы, и это касается всех уровней языка. При этом норма письменного текста опирается на орфографию — в отличие от нормы устного текста, основанной на орфоэпии»³.

Для устной речи или для её передач на письме, что наглядно видно на примерах из повести А. И. Куприна «Поединок», важна дикция говорящего, а для письменной (школьное сочинение, письмо) — его почерк, который создаёт

⁴ и так далее (фр.)

¹ Загадка! (фр.)

² Куприн А. И. Поединок. Там же. С. 261—262.

³ Тэффи. Ностальгия: Рассказы: Воспоминания. Л.: Худож лит., 1989. С. 24, 25.

³ Русский язык. Школьный энциклопедический словарь., СПб. 2014. С. 263.

условия для зрительного восприятия написанного, формирует степень внимания к нему.

«Живое слово дороже писаного», — гласит народная мудрость, словно бы развивая мысль Аристотеля, который считал, что устная речь непосредственно передаёт представления души, а письменная всего лишь выражает то, что уже заложено в речи, в голосе. Его предшественники также невысоко ценили возможности письма. Платон, например, весьма низко оценивая функции письма, трактовал его как служебный компонент языка, как вспомогательную технику запоминания. Фактически отрицал положительное начало в письме Сократ, который характеризуется у Ницше предельно лаконично: «Сократ, тот, который не писал». Такая интенция мышления присутствует и в христианской культуре: истинным слово считается слово Бога, и его первое слово было слово сказанное, произнесённое.

Последнее объясняет то, почему устная и письменная формы языка не равноправны: письменная форма и функционально, и исторически вторична по отношению к звуковой.

Получается, что письменная форма и функционально, и исторически вторична по отношению к звуковой. Ведь начальная, первая форма существования любого языка — устная, поэтому появившаяся значительно позже письменная форма по статусу считалась его периферией, понималась как нечто вторичное, находящийся в некоем услужении у устной речи. Иными словами, начиная с античности и до конца средневековья письмо, как в широком, так и в узком смысле понималось как «знак знака»: графический знак, замещающий устный в его отсутствие.

Такая особенность неоднократно отмечалась писателями, в самой номинации которых содержится функция писательства, склонности придавать своим мыслям письменную форму. Однако

<...> Подруга детских лет, с тобою
Бываю сердцем завсегда
И говорить люблю мечтою...
Но говорить пером — беда!
День почтовой есть день мученья!
Для моего воображенья
Враги — чернильница с пером!
Сидеть согнувшись за столом
И, чтоб открыть души движенья,
Перо в чернилы помакать,
Написанное ж засыпать
Скорей песком для сбереженья —
Всё это, признаюсь, мне ад!
Что ясно выражает взгляд
Иль голоса простые звуки,
То на бумаге, невпопад,
Для услаждения разлуки,

Должны в определённый день
Мы выражать пером!.. А лень,
А сердца тяжкое стесненье
Всегда ль дают свободу нам
То мёртвым поверять строкам,
Что в глубине души таится?¹

Получается, и В. А. Жуковский в этом не одинок, что день написания письма («день почтовой») — это день мученья и, в первую очередь, потому, что для воображенья автора «враги — чернильница с пером»; потому что выражаются «невпопад» выразительность взгляда, «иль голоса простые звуки». Невыразимо трудно «мёртвым доверять строкам» глубины души и «сердца тяжкое стесненье». Поэт слово бы развивает мысль Аристотеля о слове живом и написанном.

Но даже при этом и письмо как форма существования языка, и письмо как жанр, как средство общения между людьми при отсутствии живого общения выступали важным фактором формирования обобщённого социального пространства, формировали средства и культуру, этикет общественной, бытовой, политической и даже интимной коммуникации.

Письменная форма — это уже следующий этап его исторического развития, когда такая форма переводит язык в самостоятельную знаковую систему, письменную, у которой свои, во многом отличные от устной законы, правила, закономерности развития. Другое дело, что устная и письменная речь не только имеют свои сферы действия, но и дополняют друг друга.

Писатель Ираклий Андроников признавался: «Я не хочу сказать, что живая речь отменяет речь письменную. Дипломатическую ноту, телеграмму или доклад, обильно насыщенный цифрами, произносить наизусть не надо. Если автор вышел на сцену читать роман, никто не ждёт, что он его станет рассказывать. И естественно, что он сядет и станет читать его. И перед живой аудиторией и перед воображаемой — по радио, по телевидению. Но всё дело в том, что текст, прочитанный или заученный, а затем произнесённый наизусть, — это не тот текст, не те слова, не та структура речи, которые рождаются в непосредственной живой речи одновременно с мыслью. Ибо писать — это не значит “говорить при помощи бумаги”. А говорить — не то же самое, что произносить вслух написанное. Это процессы, глубоко различные между собой.

Статью, роман, пьесу можно сочинять, запершись ото всех. Но разговор без собеседника не получится. И речь в пустой комнате не произнесёшь. А если и будешь репетировать её, то воображая при этом слушателей, ту конкретную аудиторию, перед которой собрался говорить. И всё же в момент выступления явятся другие краски, другие слова, иначе построятся фразы — начнётся импровизация, без чего живая речь невозможна и что так сильно отличает её от письменной речи»¹.

¹ Жуковский В. А. Письмо К*** / Жуковский В. А. Соч.: В 3 т. Т. 1. — М.: Худож. лит., 1980. С. 187.

¹ Андроников И. Л. Слово написанное и слово сказанное / А теперь об этом. — М.: Сов. писатель, 1981. С. 231.

Есть у И. Л. Андроникова и другие наблюдения относительно разницы в функциях устной и письменной речи: «Если человек выйдет на любовное свидание и прочтёт своей любимой объяснение по бумажке, она его засмеёт. Между тем та же записка, посланная по почте, может её растрогать. Если учитель читает текст своего урока по книге, авторитета у этого учителя нет. Если агитатор пользуется всё время шпаргалкой, можете заранее знать — такой никого не сагитирует. Если человек в суде начнёт давать показания по бумажке, этим показаниям никто не поверит. Плохим лектором считается тот, кто читает, уткнувшись носом в принесённую из дому рукопись. Но если напечатать текст этой лекции, она может оказаться весьма интересной. И выяснится, что она скучна не потому, что бессодержательна, а потому, что письменная речь заменила на кафедре живую устную речь».

Закономерно у писателя возникает вопрос: «В чём же тут дело?» И есть вполне приемлемая попытка ответа: «Дело, мне кажется, в том, что написанный текст является посредником между людьми, когда между ними невозможно живое общение. В таких случаях текст выступает как представитель автора. Но если автор здесь и может говорить сам, написанный текст становится при общении помехой»².

В том жанре, которому посвящены наши рассуждения, т. е. письму посредничество «между людьми, когда между ними невозможно живое общение», является главной функцией.

Современной наукой письмо в широком смысле этого слова понимается как «система начертательных обозначений, которая используется носителями языка для трансформации звучащей речи в графическую»¹.

В узком смысле — письмо как жанр — имеются такие толкования:

Словарь живого великорусского языка В. И. Даля: «<...> Грамотка, уведомленье, сообщенье на бумаге, лист *южн. зап.* писанье, письменная речь, беседа, посылаемая от одного лица к другому. *Станешь писать письмо ко своим, припиши поклон от меня. Письмецо придёт и вестей принесёт. Маку в мешочке, насыпано, а не перетрясётся?* письмо. *Маком по белой земле посеяно, далеко вожено, а куда пришло, там вошло?* письмо. *Письмами крепится*, стар. давать какое-либо обязательство на письме, на бумаге. *Письмо крепь, руки не давай*, говор. крестьяне, боясь всякого рукоприкладства. *Письмо — рука, а где рука, там и голова* <...>»².

Большой универсальный словарь русского языка: «**ПИСЬМО́**: <...> Текст, который посылается, передаётся кому-либо с целью сообщения о чём-либо, изложения своих мыслей, выражения чувств, а также лист, листы бумаги с таким текстом. **Син★**<послание>.

Длинное (короткое, пространное, долгожданное, гневное, грозное, оскорбительное, благодарственное, сочувственное, любовное, деловое, инструктивное, директивное, циркулярное, сопроводительное, ответное,

² Там же. С. 230.

¹ Русский язык. Школьный энциклопедический словарь., СПб. 2014. С. 263.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: т. 1-4.: М.: Русский язык, 1978. – Т. 3 П. 1980. С. 113-114.

анонимное, шифрованное, детское, старое, пожелтевшее...) **письмо**. **Письмо** друга... **Письмо** другу... **Письмо** на скольких-либо страницах... **Письмо** от друга... **Письмо** куда-либо (*напр.*, в газету, на родину...). **Письмо** с какой-либо просьбой (с угрозами...). Начало (содержание, текст, тон...) **письма**; пачка (связка...) **писем**. Обмен ...**письмами**. Бумага ... для **писем**. Ответ... на **письмо** <...>»³.

Пословицы и поговорки, посвящённые письменной речи, на эту тему имеющиеся у каждого народа, не просто создают представление о том, как этот вид деятельности понимается издревле, но раскрывают требования к письму как жанру.

Из них можно узнать о значении и авторитете слова написанного:

- *Мал клочок, а в суд волочёт.*
- *Уела пона грамота.*
- *Чёрным по белому писано.*

Хотя есть и другое – подчёркивание приоритетности слова сказанного, «живого»:

- *Живое слово дороже мёртвой буквы.*

Видимо, в этом же аспекте необходимо понимать пословицы и поговорки относительно того, каким лживым может быть написанное слово, стерпеть таковое в живом общении нельзя, а на бумаге можно:

- *Бумага всё стерпит.*
- *Перо скрипит — бумага молчит.*

— *Бумага не краснеет.* Цицерон, кстати, ещё более конкретно придерживался мнения относительно эпистолярного жанра: «Письмо не краснеет».

Но даже при всём этом пишущий письмо обязан помнить:

- *Не всякое слово в строку пишется.*

Пословицы и поговорки представляют собой вполне сформированное представление о письме: оно было понятно не только написавшему, но и тому, кому адресовано, в противном случае можно услышать такие характеристики:

- *Китайская грамота.*
- *Филькина грамота.*
- *Писали тисаки, а прочтут собаки.*
- *Бабка с дедкой на хуторе всё перепутали.*
- *Писано-переписано село Денисово.*

Требование понятности распространяется не только на содержание, но и на графическое исполнение, поэтому неудобно, некомфортно читать письмо если от почерка:

- *Глаза ломаешь.*

Или если это

³ Морковкин В. В., Богачёва Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; под ред. В. В. Морковкина. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА; Словари XXI века, 2016. С. 785-786.

— *Бисерный почерк.*

Есть представление и о том, насколько сложной является работа с письмом по сравнению с другими видами деятельности:

— *Легче работать пером, чем топором.*

— *Не научился работать пером, работай топором.*

Есть в половицах и поговорках требования и к читающему, который порой должен уметь:

— *Читать между строк.*

Принципиально важно и то, что письмо понимается как ценность, поэтому доставивший его может потребовать выкупа:

— *Танцуй, пляши.*

Народная мудрость, запечатлённая в пословицах и поговорках, даёт представление о том, как понимается письмо, в чём заключается его ценность, какие требования предъявляются к письму как жанру.

С другой стороны, независимо от сознания того, в чём ценность и особенности письменной речи, люди чаще всего делятся на тех, кому лучше даётся устная речь, и тех, для кого предпочтительнее письменная. Нередко тот, кто выступает как великолепный оратор, на бумаге затрудняется связать два слова, если и свяжут, то читать их рассуждения трудно, а то и невозможно. Другие могут создавать логично выстроенный, грамотный, удобно читаемый текст, однако устный рассказ, выступление на публике показывает, что они тоже двух слов связать не могут. Что, естественно, создаёт впечатление, что такой, с позволения сказать, оратор мало культурен, необразован и т. п. Но это чисто внешнее впечатление, потому что такое нередко наблюдается, к примеру, за авторами очень мудрых, доходчиво написанных учебников, пособий, статей и т. п. Идеальный вариант — это когда человек хорошо «выглядит» и в устной, и в письменной речи. Однако такой вариант в свете темы данного пособия менее интересен.

Одной из задач, которую поставил себе его автор заключается в том, чтобы помочь, если не ликвидировать, то хотя бы сократить дисбаланс между устной и письменной речью через овладение методикой написания письма или лучше — писем разного жанра.

И начать можно с того, чтобы определиться, какая речь даётся лучше: устная или письменная, какой вид речи более красочен, убедителен, написание или говорение доставляет большее удовлетворение и даже радость.

Кто-то может признаться, что не умеет «говорить красиво», и «говорить, получается хуже, чем писать, т. к. при разговоре — живом общении — присутствует много факторов. Зависит от того с кем общаешься, как к человеку относишься, его взгляд, поведение и т. п. От этого часто возникает волнение, которое мешает собраться с мыслями и не получается связно изъясниться».

Или аналогичное признание: «С помощью письма изъясняюсь гораздо красноречивее и могу передать все оттенки чувств, в то время как устно иногда двух слов связать не могу, например, если волнуясь...»

Нередко можно услышать: «Мне легче выразить на бумаге...» или наоборот: «Давайте я вам расскажу, а то начну разводить писанину и всё перепутаю...»

Автору нередко приходилось слышать признания: «... письменно излагаю мысли лучше, нежели когда говорю. Письменная речь у меня получается более логична, более уверенна, и главное я верю в то, что пишу. Когда говорю, совсем наоборот получается, я неуверенно высказываюсь и строю предложения, совсем не то. Такое впечатление, что я как компьютер зависаю, то есть сначала думаю и анализирую, то что меня спрашивают, а потом отвечаю и то не в той мере, какой бы хотелось, после чего спустя какое-то время происходит анализ того что спросили и в голове возникает вполне достойный ответ, который и должен был бы быть высказанным. Понимаю, что в коей мере ещё и проблема в самоуверенности. Также стала бояться публичных выступлений, того как звучит при этом голос, пытаюсь бороться с этим: пытаюсь рассказать что-то друзьям интересное... Постепенно надеюсь выйти на уровень публичных выступлений. не знаю, как сделать так чтобы в жизни я могла выразаться так же как и на клавиатуре и бумаге».

Такие признания встречаются довольно часто, но не чаще, чем обратного характера. Всё дело в том, что написание всегда занимает больше времени, чем говорение, для него необходимо более обстоятельное продумывание в отличие от устной речи, которая создаётся быстрее, да она и многословнее. Оба вида речи не формируются сами собой, они становятся логичными, красивыми, убедительными только с опытом, с постоянным обращением к ним.

Не все способны грамотно и логично обсуждать устно какие-то проблемы, высказывать своё мнение или даже просто задавать вопросы. Для них проще провести такие мероприятия в письменной форме, имея возможность обдумать, взвесить каждое слово, а иногда важно и то, что собеседник не сбивает с мысли возражениями, жестами, взглядом. Не все способны свою внешне красивую устную речь переложить на письмо.

С учётом разницы между устной письменной речью пишущему необходимо чёткое осознание того, что он:

— имеет необходимое время для изложения своих мыслей в наиболее удобном, логичном для себя и для будущего читателя (читателей) виде;

— никак не зависит от реакции адресата в момент написания, не имеющего возможности перебить, сбить с мысли, повлиять на характер рассуждений;

— имеет возможность время от времени пересматривать написанное и при необходимости менять его, что совсем несложно в условиях, когда электронные письма стали преобладающими в нашей жизни;

— пишущий находится в той ситуации, когда можно без спешки посмотреть на вопрос со всех сторон, стереоскопически и, возможно, изменить его изначальное понимание.

Немного истории...

*Письмо пишется и посылается
как своего рода подарок.
Деметрий Фалерский*

*Письмо не краснеет.
Марк Туллий Цицерон*

*Это свободная страна.
Люди имеют право писать мне письма,
а я имею право не отвечать на них.
Уильям Фолкнер*

Письмо в мифологии

В словах греческого философа Деметрия Фалерского высказано отношение к письму, как одному из ценных изобретений человека, призванного к тому, чтобы быть подарком, даром одного человека другому или даже всему человечеству. Оно остаётся таковым, даже если с его помощью передаётся не только информация, но и дезинформация, если оно служит не только общению, но и разобщению. Его разносторонние возможности были хорошо известны уже античному человеку, и замечание Марка Туллия Цицерона, послужившее вторым эпиграфом, в данном случае оказывается весьма уместным.

Нельзя не согласиться и с тем, что общение посредством письма, по У. Фолкнеру, — это целая страна, как ещё одно представление, пусть и несколько ироничное, о том, что такое свобода.

В египетской мифологии Тот, бог мудрости, счёта и письма, выступает ещё и верховным правителем при боге солнца Ра и, помимо прочих своих обязанностей, пишет указы и запечатывает письма.

В греческой мифологии Паламед, которому приписывается изобретение (или упорядочение) алфавита, введение чисел, мер длины и веса, также счёта по годам, месяцам и дням и пр., в походе Одиссея против Трои был оклеветан с помощью подложного письма. В нём, якобы написанном Приамом указывалось, что Паламед готов предать греков за большую сумму. В палатке последнего было обнаружено золото, после чего его обвинили в измене и побили камнями.

Ещё одно мифологическое упоминание письма также связано с Одиссеем. Эвриал — сын Одиссея и Эвиппы был послан матерью к Одиссею на Итаку с письмом, но того не оказалось на месте. Мучимая ревностью Пенелопа сказала возвратившемуся мужу, что юноша подослан, чтобы убить его, и Одиссей, поверив, убил своего сына.

Беллерофонт — один из героев старшего поколения в греческой мифологии, сын коринфского царя Главка был послан царём Претом с письмом к царю Ликий Иобату, в котором просил убить предателя. Причиной стала клевета жены Прета, любовные притязания которой были отвергнута

Беллерофонтом. Сохранилась роспись на сосуде, изображающая то, как, держа за узду Пегаса, ничего не подозревающий Беллерофонт берёт письмо, содержащее приговор ему, из рук Прета, прощаясь с царём и его женой.

Древнекитайскому первоначальному и культурному герою Фуси приписывается создание иероглифической письменности, заменившей узелковую.

Цилинь, чудесный зверь, единорог, согласно одну из мифов, рождению Конфуция предшествовало появления Цилиня, который исторг из рта нефритовое письмо с пророческими словами о правлении дома Чжоу.

В мусульманской мифологии одна из птиц, из находившихся в подчинении у Сулаймана (соответствует библейскому Соломону), носила его письма царице Сабы с увещаниями покориться аллаху.

Письмо в реальности античной жизни

Не только в мифологии, но и в реальной жизни античной эпохи эпистолярный жанр имеет глубоко уходящие в историю корни. Разумеется, что за столь длительный период существования, о чём, кстати, свидетельствует и современное его бытование, этот жанр накопил богатейший опыт, приобрёл многочисленные отличительные особенности, пережил различные тенденции, вызванные как историческими особенностями эпохи, так и субъективными интерпретациями.

Изначально он был вызван к жизни потребностями повседневности, выразительным примером чему могут служить письма Марка Туллия Цицерона (106 до н. э. — 43 до н. э.) — древнеримского политического деятеля, оратора и философа. Его эпистолярное наследие открывает возможности получить достоверную информацию о римском обществе конца периода республики, об обстановке жизни самого Цицерона и адресатов его писем. Прежде всего, интересны те, которые адресованы реальным современникам таким, как первая жена Теренция и брат Квинт, дочь Туллия и близкий друг Аттик и др. В аспекте нашего исследования важно то, как Цицерон меняет характер обращений и повествований в письмах в зависимости от того, кому из адресатов они предназначались, и речь в данном случае может идти не только о содержании, но и о языке. Автор этих писем показывает себя мастером, искусно владеющим разными стилями письменной речи, способным передавать тончайшие смысловые оттенки, учитывать индивидуальность адресатов, коим предназначаются его письма.

Такое индивидуальное отношение к письмам, адресованным разным корреспондентам позволило Цицерону создать их первую оригинальную классификацию.

Во-первых, он различает письма *по предназначению* или *по тону*: *интимные* и *публичные*, предназначенные для общественного внимания.

Во-вторых, *по отношению автора письма к адресату*: *официальные* и *личные*.

И в-третьих, *по содержанию*, среди которых выделяет: *простые уведомления*, *дружеские*, *шутливые*, *строгие*, *серьёзные*, *грустные*.

К примеру, его письма к другу Аттику близки к устному разговору, в котором нет необходимости в каких-то стилистических изысках или искусственных приёмах. Они свободны в обращениях и изложениях повседневной информации. Вот пример такого письма, начало письма от 5 декабря 61 года:

«Твоё письмо, в котором ты привёл выдержки из писем моего брата Квинта, показало мне большую изменчивость его настроений и непостоянство мнений и суждений. Поэтому я испытываю такое огорчение, какое должна была причинить мне моя сильная любовь к каждому из вас, и недоумеваю по поводу того, что же могло так сильно оскорбить брата Квинта и так изменить его чувства. Я уже и ранее понимал то, что, по моим наблюдениям, подозревал и ты, уезжая от нас, а именно, что он затаил какое-то предубеждение, уязвлен и что в душу ему запали какие-то злые подозрения. Желая излечить его от них, что я неоднократно делал и до получения им провинции по жребию, а особенно настоятельно после получения её, я еще не понимал, что он обижен в такой сильной степени, о какой говорит твое письмо; при этом я не добился такого успеха, какого желал»¹.

Или в том же письме:

«<...> О том, где кроется причина этой неприятности, мне легче судить, нежели писать, ибо опасаясь, что я, защищая своих родных, не пощажу твоих. Хотя домашние и не нанесли никакой раны, однако они, конечно, могли излечить ту, которая уже была. Однако дурную сторону всего этого, которая ведёт несколько дальше, чем кажется, мне удобнее объяснить тебе при встрече»².

Письма Цицерона, разным людям, в первую очередь, близким, отличаются разностью интонаций и стилей, словно бы их автор каждый раз стремится к тому, чтобы быть в письме близким характеру, манере, стилю каждого своего адресата.

К своим близким он обращается иначе, нежели к другу, например, 29 апреля 58 года:

«Туллий шлёт привет своим Теренции, Туллии и Цицерону.

Я пишу вам реже, чем могу, потому что, если я во всякое время чувствую себя несчастным, то тогда, когда я пишу или читаю ваши письма, я обливаюсь слезами так, что не в силах выдержать. О, если бы у меня не было такой жажды жизни! Я, конечно, совершенно не знал бы или знал бы только немного горя в жизни. Если судьба сохранила меня для какой-то надежды на восстановление когда-либо какого-то благополучия, то я сделал меньшую ошибку; если же эти несчастья непоправимы, то я жажду увидеться с тобой, жизнь моя, как можно скорее и умереть в твоих объятьях, ибо ни боги, которых ты благоговейно чтит, ни люди, которым всегда служил я, не воздали нам благодарностью...»³

¹ Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / Пер. и ком. В. О. Горенштейна: 2. Т. 1. Годы 68—51. — М.-Л. — Изд-во АН СССР, 1949. С. 124.

<http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1345960063>

² Там же.

³ Там же.

Письма Цицерона могут служить примером того, как эпистолярное общение с конкретными адресатами может быть выстроено в зависимости от их индивидуальности. Это связано с тем, что и сегодня принципиально важно учитывать то, кому пишущий собирается «послать бересту» (пусть и форме SMS): родителям или однокласснику, своему учителю или постороннему человеку.

В античной культуре наметилась и другая традиция, связанная с тем, что эпистолярный жанр отрывается от повседневной, выходит за её пределы, превращаясь более в риторическое упражнение или жанр художественной литературы, своеобразный художественный приём. В первом случае в пример можно привести письма Луция Аннея Сенеки (4 до н. э.— 65 н. э.) — римского философа-стоика, поэта и государственного деятеля, который создал «Нравственные письма к Луцию». Вот как выглядит начало Первого письма:

«Сенека приветствует Луцилия!

Так и поступай, мой Луцилий! Отвоюй себя для себя самого, береги и копи время, которое прежде у тебя отнимали или крали, которое зря проходило. Сам убедись в том, что я пишу правду: часть времени у нас отбирают силой, часть похищают, часть утекает впустую. Но позорнее всех потеря по нашей собственной небрежности. Вглядись-ка пристальней: ведь наибольшую часть жизни тратим мы на дурные дела, немалую — на безделье, и всю жизнь — не на те дела, что нужно. Укажешь ли ты мне такого, кто ценил бы время, кто знал бы, чего стоит день, кто понимал бы, что умирает с каждым часом? В том-то и беда наша, что смерть мы видим впереди; а бóльшая часть её у нас за плечами, — ведь сколько лет жизни минуло, все принадлежат смерти. Поступай же так, мой Луцилий, как ты мне пишешь: не упускай ни часу. Удержишь в руках сегодняшний день — меньше будешь зависеть от завтрашнего. Не то, пока будешь откладывать, вся жизнь и промчится. Всё у нас, Луцилий, чужое, одно лишь время наше. Только время, ускользающее и текучее, дала нам во владенье природа, но и его кто хочет, тот и отнимает. Смертные же глупы: получив что-нибудь ничтожное, дешёвое и наверняка легко возместимое, они позволяют предъявлять себе счёт; а вот те, кому уделили время, не считают себя должниками, хотя единственно времени и не возвратит даже знающий благодарность»¹.

Хотя Луцилий — это реальный современник Сенеки, бывший в своё время прокуратором Сицилии, мы имеем дело не с перепиской двух друзей, а подлинным философским трактатом, написанном в эпистолярном жанре. Автора этого трактата волнуют не события повседневной жизни, а философия стоицизма, в ценности и необходимости которого он стремится убедить своего приятеля, бывшего сторонником эпикурейства. В приведённом отрывке античный философ раскрывает собственные представления о том, что такое время, какую ценность оно имеет для человека и как ему необходимо относиться.

Эпистолярное наследие Сенеки являет собой один из примеров того, как в античной культуре писание писем

¹ Луций Аней Сенека. Нравственные письма к Луцилию / Пер., прим., подгот. изд. С. А. Озерова. Отв. ред. М. Л. Гаспаров. — М.: Наука, 1977. С. 8. http://modernlib.ru/books/seneka_luciy/nravstvennie_pisma_k_luciliyu/read

подчинялось своим личным намерениям и интересам, использовалось в качестве средства или приёма изложения, утверждения, преподавания своих представлений о морали с целью воздействия не столько на конкретного адресата, сколько общества в целом.

Изучение этого наследия свидетельствует о том, что и для нашего времени представления того же Сенеки о человеке, о сущности бытия и смысле жизни, о гармонии в ней, о том, каким даром, чем является время в жизни человека, как к нему необходимо относиться и т. д. и т. п., не устарели и в нашей эпохе.

Такое понимание и использование жанра письма близко тому, как сегодня можно построить, продумать, написать сочинение на тему, которую принято называть свободной. В этом аспекте, кстати, небезынтересно было бы учащимся, к примеру, 10-11 класса сравнить свои представления о времени и его ценности с теми, которые отстаивал Сенека на рубеже двух эр.

Письма древнеримского политического деятеля и писателя, Плиния Младшего (приблизительно 61—113 н. э.), адресованные разным людям, из которых можно получить информацию не только о повседневных делах и заботах, но и познакомиться его представлениями о поэзии, о сущности и философии текущих политических событий, об особенностях ораторского искусства и т. п. Он может высказывать своё отношение к поэзии в письмах, которые специально ей не посвящены и относятся более к событиям повседневности:

«Плиний Силию Прокулу привет.

Ты просишь меня прочесть в деревне твои книги и посмотреть, стоят ли они издания, умоляешь, ссылаешься на пример: упрашиваешь отрезок времени, оставшийся от моих занятий, уделить твоим и добавляешь, что М. Туллий относился к поэтам благосклонно и покровительственно. Меня не надо ни просить, ни уговаривать: я благоговейно чту поэзию и очень к тебе расположен. Я выполню твою просьбу и тщательно и охотно...»¹

Или ещё пример более пространное рассуждений о творчестве одного из современников, которые автор письма решил проиллюстрировать цитатой:

«Плиний Корнелию Прииску привет.

Я слышу, умер Валерий Марциал; горюю о нём; был он человек талантливый, острый, едкий; в стихах его было много соли и желчи, но немало и чистосердечия. Я проводил его, дал денег на дорогу: это была дань дружбе, а также дань стихам, которые он написал обо мне. Был в старину обычай: тех, кто написал похвальное слово человеку или городу, награждали почётным званием или деньгами; в наше время вместе с другими прекрасными обычаями вывелся в первую очередь и этот. Не совершая больше поступков, достойных хвалы, мы считаем и похвалу себе бессмыслицей.

Ты спрашиваешь, за какие стихи я его благодарил. Я отослал бы тебя к самой книжке, если бы кое-что не удержалось у меня в памяти. Ты, если эти

¹ <http://krotov.info/acts/02/01/pliniy.html>

тебе понравятся, отыщешь остальные в книге. Он обращается к Музе и поручает ей поискать мой дом в Эсквилиях и почтительно войти:

Но смотри же, в обитель красноречья
Не ломись ты не вовремя, пьянчужка.
Целый день он Минерве строгой предан,
Речь готова для Ста мужей такую,
Что её все потомки сопоставить
Смогут лишь с твореньями Арпинца.
При лампадах пройдёшь ты безопасней.
Этот час для тебя: Лией гуляет
И царит в волосах душистых роза:
Тут меня и Катон прочтёт суровый.

Стоит ли человек, так обо мне написавший, чтобы я и тогда проводил его, как дорогого друга, и сейчас горюю как о дорогом друге? Он дал мне все, что мог; дал бы и больше, если бы мог. А впрочем, чем можно одарить человека больше, как не вечной славой? «Его стихи вечными не будут» — может быть, и не будут, но писал он их, рассчитывая, что будут. Будь здоров»¹.

Признание Плиния Младшего в том, что он ценит в поэзии примечательно ещё и тем, что в приводимой им цитате присутствует «обитель красноречья», в которую, по мнению цитируемого поэта, нельзя «ломиться», вторгаться любому, кто захочет: она открывается только талантливый. И с этим мнением, получается, согласен и автор письма.

Самое же главное заключается в том, что Плиний Младший понимает эпистолярный жанр, как средство обретения известности и даже бессмертия, разумеется, литературного, средство увековечить его жизнь.

Античная культура широко использует эпистолярный жанр как художественный приём, к примеру, для создания псевдоисторических произведений.

Клавдий Элиан (ок. 170 — после 222) — древнеримского писателя и философа создаёт свои «Крестьянские письма» («Из крестьянских писем Элиана»²), представляющие собой переписку неких вымышленных современников.

Деркилл пишет Опоре о значении для него её имени и замечает, что он, как представитель «деревенского народа», готов «слюбится» с той, одно имя которой, «не говоря о прочем, возбуждает любовь в человеке, которому земля в жизни опора? Вот и отослал я тебе от твоей урожайной тёзки винограду, фиг и молодого вина только что из давилни, а весной подарю тебе роз, что расцветут по лугам»³.

В тон Дерикллу отвечает и Опора: «...Смеёшься ли ты над моим именем или серьёзно говоришь, тебе виднее; а я так думаю, что не с чего тебе

¹ <http://krotov.info/acts/02/01/pliniy.html>

² Среди исследователей есть е, которые оспаривают принадлежность этих писем Клавдию Элиану, однако без достаточного обоснования.

³ Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства II — V века. — М.: Наука, 1964. С. 152.

важничать, послав ко мне такое добро. Куда как хороши твои подарки: жесткие фиги по два обола и вино такое молодое, что просто издевательство. Пусть его пьет Фригия¹. . . Не вино мне нужно, а деньги. Опору Опоре посылать — это всё равно, что огонь в огонь нести; и ты это знаешь не хуже моего...»².

Некий Каллипид вопрошает Кнемона, почему тот в сельской идиллии, где «много есть хорошего» и царят «мирные нравы», где обретает человек сладкое спокойствие духа», последний «почему-то зол и дик и для земляков своих — ты сосед не из приятных. Ты в нас бросаешь комьями земли и дикими грушами; завидя человека, ты громко кричишь, словно (за волком гонишься; несносный ты человек, и от соседства твоего, как говорится, солоно нам приходится...»³

Кнемон, в своё оправдание утверждает: «Не стоило бы отвечать тебе; но раз уж твоя навязчивость вынуждает меня вступить в объяснения, то хорошо хоть, что я могу говорить с тобою не лично, а через посыльных. И отвечу я тебе, как говорится, по-скифски: вот как. Род человеческий я ненавижу безумно и кровожадно. Поэтому я и швыряю комьями и камнями в тех, кто забредёт на моё поле. По моему разумению, счастливец был Персей, и вот почему: во-первых, он был крылат, мог ни с кем не встречаться и летал так высоко, что никто с ним не здоровался и не заговаривал; а во-вторых, я завидую, что у него была славная штука, которой он встречных превращал в камень. Достанься мне такое счастье, как ему, я всё бы переполнил каменными фигурами, и ты бы у меня первым окаменел. С чего это ты вздумал учить меня порядку и обходительности, когда мне все ненавистны? Ведь из-за этого я даже не возделываю придорожную полосу моего поля, и она не приносит мне урожая. А ты лезешь ко мне в приятели и стараешься быть моим другом, когда я сам себе не друг. И зачем я родился человеком?»⁴

Так «Крестьянские письма» Элиана раскрывают философию эпохи и отдельных её представителей относительно любви и смысла жизни, возможности торговать собой и возделывать землю, видеть, ценить окружающий мир и населяющих его людей. Кроме того, и сегодня они могут служить своеобразными образцами того, каким может быть обращение к своим адресатам, даже если ситуация явно вымышленная, даже если письма представляют собой попытку раскрыть какие важные философские или политические вопросы.

Особо необходимо отметить письма Гиппократа (ок. 460 г. до н. э. — ок. 370 г. до н. э.) — древнегреческого целителя, врача и философа, которому принадлежит один из первых примеров «романа в письмах», литературного жанра сохранившегося в литературе вплоть до XXI века. Получив от сената и народа города Абдер письмо о том, что их великий горожанин Демокрит «болен от великой мудрости, владеющей им», и приглашение приехать, чтобы «лечить город», Гиппократ принял приглашение абдеритян. Посещение Абдера

¹ Имя рабыни. Рабы часто получали клички по стране происхождения, имени народа.

² Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства II—V века. С. 152.

³ Там же. С. 152—153.

⁴ Там же. С. 153.

и общение с Демокритом он описал в письмах, адресованных разным современникам: «сенату и народу абдеритян», Гирроксат Цилороимену, Дионисию, Дамагету, Филопоймену, Кратевасу. При этом дважды об пишет всего одному адресату (Дамагет). Однако написаны эти письма так, что собранные вместе выглядят как законченное литературное произведение, с логично выстроенным и продуманным сюжетом, с живым драматическим действием, в центре которого — сцена свидания его с великим философом. В науке сложилось мнение, что портрет Демокрита, создаваемый Гиппократом, не вполне соответствует исторической действительности, а последнее является, как мы помним одним из признаков, позволяющих отличать литературное произведение от документального. Это — не подлинный портрет, а образ, соответствующий видению, настроению, взглядам автора писем.

Приветствуя сенат и народ абдеритян, Гиппократ счёл необходимым высказать своё мнение относительно предлагаемого вознаграждения, которое в конечном итоге становится высказыванием его представлений о том, что такое искусство: «Что касается меня, который твёрдо уверен, что искусства суть дары богов, люди же — произведения природы, не прогневайтесь, мужи абдеритяне, если я скажу, что это не вы, а природа зовёт меня спасти свое произведение от опасности погибнуть в болезни... Серебра же за мой приход ни природа, ни бог не могли бы заставить меня принять, так что не насилуйте и вы меня, мужи абдеритяне, но разрешите делам свободного искусства остаться свободными. Те, которые берут плату, заставляя знания нести рабскую службу, как бы лишают их прежней свободы и заключают в оковы, и, естественно, эти люди способны лгать — преувеличивать значительность болезни, отрицать её как ничтожную, не приходите вопреки данному обещанию и приходите, хотя бы их не звали...»¹.

В письме Гирроксат Цилороимену он рассказывает о просьбе абдеритян и, высказывая своё мнение относительно болезни Демокрита, пускается в философские рассуждения: «... Это — не сумасшествие, это — исключительная мощь души, что проявляется в этом муже, не имеющем в помыслах ни детей, ни жены, ни родных, ни имущества, ни чего бы то ни было, сосредоточенном в себе день и ночь, живущем одиноко в пещерах, в уединении, в тени деревьев или на мягких травах, или у текучих вод. Конечно, часто это случается с меланхоликами: они иногда бывают молчаливы, одиноки и любят уединённые места; они отворачиваются от людей, рассматривая внешность себе подобных, как чужую; но часто случается тем, которые вращаются около знания, исключать все другие заботы перед единственным расположением к мудрости. Подобно тому, как слуги и служанки, предающиеся в доме шуму и ссорам, пугаются и затихают при внезапном появлении хозяйки, то же делают и страсти души, которые в отношении людей играют роль служителей зла, когда и оказывается мудрость, все другие движения души удаляются, как рабы. Не

¹ <http://www.bibliotekar.ru/426hippo/41.htm>

одни сумасшедшие ищут пещер и спокойствия, но и презирающие человеческие дела в жажде спокойствия...»¹

Каждое своё послание Гиппократ завершает пожеланием здоровья.

Эпистолярное наследие философа Гераклита Эфесского (544—483 до н. э.) может служить иллюстрацией такой традиции, когда письма, обращённые к повседневным делам и заботам, неизменно выходят к попыткам осветить какие-то философские вопросы, высказать своё мнение относительно смысла жизни. В письме к царю Дарию он счёл необходимым заметить: «... Сколько ни есть людей доле, они далеки от истины и от праведной жизни и, движимые порочным безрассудством, предаются неутомимой страсти и стяжанию славы. Я же предаю забвению всякое лукавство и избегаю пресыщения, влекущего всеобщую зависть своим высокомерием, и потому не поеду в страну персов, довольствуясь малым по собственному своему разумению»².

А в письме к Гермодору, который пожаловался философу на несносные обстоятельства жизни, Гераклит призывает его прекратить роптать, вспоминает о том, как его самого судили невежды и «нечестивцы из нечестивцев», однако главное содержание письма заключено в стремлении изложить своё видение богов и божественного в противовес невеждам: «... Ослепнув, они б и о зрении говорили, что это слепота. Но невежды и неучи! Научите нас сначала, что такое бог, чтобы вам верили, когда вы говорите о нечестивости. Где находится бог? Заперт в святилищах? Тоже мне “праведники”, держащие бога во мраке! О человеке скажешь “каменный”, обидится. А говорящие о боге, как о благом знамени, будто он “родился из скал”, согласны ли они с истиной? Невежды, разве вы не знаете, что бог не рукотворен, и что не отроду стоит он на пьедестале, и что нет вокруг него сплошной ограды, но что храм его — весь мир, расцвеченный животными, растениями и светилами?...»³

Вполне органично размышления о богах и божественном перетекают в письме Гераклита в рассуждения о себе, о порядочности, о собственном бессмертии:

«<...> Что до меня, о люди, разве и я не порядочный человек? Но я зря задаю этот вопрос: даже если вы скажете обратное, я всё равно порядочный человек. Я тоже совершил много трудных подвигов. Я победил удовольствия, я победил деньги, я победил тщеславие, я превозмог робость, я превозмог лесть, страх мне не прекословит, хмель мне не прекословит, страданье от меня бежит, гнев от меня бежит. Вот с чем я воюю. И я сам на себя надел лавровый венок по собственному постановлению, без помощи Эвристея.

¹ <http://www.bibliotekar.ru/426hippo/41.htm>

² *Гераклит Эфесский*: всё наследие: на языках оригинала и в рус. пер.: крат. изд. / подгот. С. Н. Муравьев. — М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. С. 78.

³ Там же. С. 79.

Не пора ли кончать поносить мудрость, приписывая нам ваши собственные недостатки и ваши собственные заблуждения? Если б могли вы воскреснуть через пятьсот лет благодаря переселению душ, вы бы обнаружили, что Гераклит еще жив, зато от ваших-то имен не осталось и следа. Я буду жить столь же долго, сколь города и веси, никогда не замолкая благодаря своему учению....»¹

Отношение античной культуры к эпистолярному жанру во многом определялось тем, автор письма не просто передавал некие сообщения о случившемся, обменивался информацией, но и полагал, что его письмо станет известно не только непосредственному адресату, но и другим современникам, и даже людям других эпох. Именно поэтому он особенно заботился о том, чтобы писать красиво, высоким или подходящим по случаю слогом, не забывая среди новостей повседневности размышлять о смысле жизни, о её ценностях, о мире, в котором он живёт.

Вместе с тем, письма того же Симмаха, например, нельзя оценивать лишь как литературные произведения, в которых преобладает исключительно риторика. Эти произведения можно рассмотреть и как источник, в котором воссоздаются не абстрактно-теоретические построения, а конкретно-исторические и социальные реалии эпохи, облаченные, тем не менее, в эпистолярную форму. И именно эта форма свидетельствует об уровнях бытового и абстрактного мышления, которые были достигнуты античностью в конкретный исторический промежуток. Письма являются свидетельством того, какая система нравственных ценностей была признана в эту эпоху и даже того, каким влияниям, искажениям она подвергалась. Эпистолярный жанр даёт возможность судить о реальной жизни той эпохи, которую принято называть античностью.

Исследователь утверждает, что эпистолярный жанр в античной культуре — это не комментарий к её содержанию, а органическая часть самой этой культуры: «В новое время письма, которые люди пишут друг другу — это человеческие документы, составляющие как бы комментарий к культурному, художественному, научному содержанию эпохи. В античном мире письма образуют не столько комментарий к культурному развитию, сколько его органическую составную часть»¹.

В античной культуре самими же авторами были выработаны первые требования к письму. Следование этим правилам способствовало тому, что письмо начинает пониматься как самостоятельный вид словесного творчества. В этой культуре создаются первые письмовники, т. е. сборники образцов писем или документов с указаниями по их написанию. Кстати, один из самых ранних русских письмовников составлен в XV веке.

Самый ранний античный письмовник датируется II в. до н. э. Он называется «Типы писем» и был предназначен для канцелярских писцов. Во вступлении неизвестный автор сообщает, что ему известен двадцать один тип современных писем. Сам письмовник написан был в виде послания некоему,

¹ Гераклит Эфесский: всё наследие. С. 79.

¹ Кнабе Г. С. Древо познания — древо жизни. — М.: РГГУ. 2006, С. 502.

по всей вероятности, вымышленному лицу, которого якобы заинтересовали типы писем бытующие в современном ему эпистолярии. Автор письмовника описывает разные типы письма с обязательным представлением образца каждого из них, замечая при этом, что «своё название каждый тип: писем получает в зависимости от основной мысли письма»². По этому принципу в письмовнике различаются типы: дружеский и рекомендательный, пренебрежительный и упрекающий, решительный и порицательный, вразумляющий и угрожающий...

Современному человеку, который начал забывать, как пишутся письма, привыкнув к нарушающим все правила орфографии, синтаксиса, этикета и т. д., небезынтересно будет узнать, что есть такой тип письма, когда «кажется, что друг пишет другу. При этом не всегда пишут настоящие друзья. Часто высокопоставленные лица по каким-либо причинам находят нужным писать дружеские письма своим подчинённым и друг другу: таковы письма полководцев, правителей. Бывает, что письмо обращено к незнакомым людям: делают они это не из-за тесных уз дружбы и полного согласия, а из расчёта, что дружественное письмо не встретит возражений. Тип этих писем, как будто обращённых к другу, и называется “дружеским”. Например:

“Хотя нас разделяет с тобой обширное пространство, я ощущаю это только телом. Я не в силах забыть ни тебя, ни те благородные узы, которые связывают нас с детства. Я отношусь к тебе с искренним чувством и всегда явно ищу твоей пользы, предполагаю, что и ты так же судишь обо мне и ни в чём мне не откажешь. Ты, стало быть, поступишь хорошо, если чаще станешь навещать к моим домашним, наблюдая, нет ли у них в чём недостатка, и помогая им в необходимом. Ты напишешь нам о том, что сочтёшь нужным”»¹.

Вот как представлен в письмовнике другой тип письма: «Порицающий: когда с упрёком пишут о прошлых проступках следующим образом.

“Одни проступки совершаются добровольно, другие против воли. Из них первые тяжки, вторые легки, одни наносят вред только ошибающимся, другие — прочим людям. У тебя же это словно вошло в обычай. Ты ведь много раз творил во вред мне великое зло. Ты заслужил ещё больших упрёков, если говорить сейчас и о других твоих неправдах. Но можно ещё найти лекарство для совершенной ошибки. Если ты исправишь вину, то сам станешь причиной того, что она исчезнет, как я был причиной того, что она возникла”»².

Или другой пример: «*Совецательный: когда побуждаем к чему-нибудь, либо отговариваем от чего-то, предлагая своё собственное мнение.*

Например:

“Я показал тебе в общих чертах, чем я стяжал добрую славу у правителей. Я знаю, что и ты по своему характеру способен заслужить благосклонность подчинённых, и не создавая себе друзей без числа, ко всем

² Античная эпистолография: очерки / АН СССР, Институт мировой литературы им А. М. Горького. — М.: Наука 1967. С. 9.

¹ Античная эпистолография. С. 10—11.

² Там же. С. 12.

*относиться ровно и человеколюбиво. Если будешь таким, то создашь себе доброе имя в народе и прочно будешь держаться у власти»*³.

И один из самых интересных, на наш взгляд, примеров: Иносказательный: когда хотим быть понятыми только тем лицом, кому мы пишем, и для этого ведём речь якобы о другом деле.

*«Я слышу, что атлет, боровшийся с тобой, живёт за воротами, в мрачном жилище, нагой. Ты, конечно, одержишь полную победу». Тут ведь прямо не сказано, что противник погиб. А в другом письме с угрозой говорится: «Неужели вы не успокоитесь, пока не увидите, как кузнечики запоют на земле?» На самом же деле это должно означать: «Вы не успокоитесь, пока не увидите страну вашу разрушенной дотла, без единого дерева, — ибо на земле кузнечики запоют, лишь когда не будет у них ни деревьев, ни стен»*⁴.

Античные руководства по написанию писем обращаются к тому, чем последние отличаются от публичной ораторской речи. Уже в этих руководствах сущность письма начинает пониматься как замена устного общения, в связи с чем грамматик Артемон, например, называл письмо «половиной диалога»: диалогом без собеседника, который может в данный момент, т. е. сразу ответить. Отмечается и отличие письма от научной литературы. В руководствах освещается критерий соразмерности слога на письме, рассматривается то, как объём письма зависит от его содержания, а характер, о чём уже упоминалось выше, от того, кому письмо адресовано. И главное заключается в том, что уже античная эпистолярная культура пришла к твёрдому убеждению, что письмо есть выражение нравственных качеств, характера автора письма, его стремлений и настроения.

Немного о средневековье

В средневековой культуре письмо как жанр продолжает развиваться в двух основных разновидностях: как имеющее к написанию реальный повод в повседневности и как средство высказывания своих философских, политических, эстетических взглядов и суждений. Вторая тенденция чаще всего переводит жанр письма в разряд художественного произведения. Отмеченная особенность проявляется и в культуре Возрождения. Наглядным примером наличия и развития обеих тенденций в этой культурной эпохе являются жизнь и творчество итальянского поэта Франческо Петрарки (1304—1374), из писем которого можно узнать о том, в каких отношениях он находился с друзьями, какие заботы повседневности были характерны для него и его времени. Однако поэт имел обыкновение обращаться не только к своим современникам, но и к представлявшим для него интерес адресатам, которые умерли ещё в эпоху Древней Греции и Рима, в форме письма к потомкам он писал автобиографию.

Его «Письмах без адреса», имеют адресатами как реальных, так и вымышленных лиц и являются своеобразным протестом против, царящих в Ватикане.

³ Там же. С. 12—13

⁴ Там же. С. 13.

Письмо в России

Присутствует письмо и в мифологии Древней Руси. В легендах о Китеж-граде, городе чудесным образом спасшимся от завоевателей во время нашествия Батыя, утверждалось, что погрузившийся в озеро, он населён праведниками, которые писали оттуда на землю письма.

Самыми первыми письмами на Руси были берестяные грамоты, которые в древнерусском языке носили также названия «грамотицы» и «берёсто». Берестяные грамоты — это краткие частные письма, которые создавались, писались посредством процарапывания острым предметом, стержнем (писалом) на кусках берёсты. Первая берестяная грамота найдена в Великом Новгороде 26 июля 1951 г. В последующем берестяные грамоты были найдены при археологических раскопках в том же Великом Новгороде в городах Старая Русса, Торжок, Тверь, Псков, Смоленск, Москва, Старая Рязань, Звенигород Галицкий (Украина), Витебск и Мстиславль (Белоруссия)).

Наиболее древние грамоты периодом XI веком, а самые поздние — 1-й половиной XV в.

По содержанию берестяные грамоты — это отрывки из писем семейно-бытового характера: денежные расчёты, долговые обязательства, брачные предложения, жалобы и просьбы крестьян к своим господам, договоры между крестьянами и их новым господином, переписка ремесленников с заказчиками, записи молитв священниками, письма бытового характера (напр., с просьбой выслать оставленные дома вещи) и т. д.

К примеру, одна из грамот (1100—1120 гг.) — это письмо сына к родителям: *«Грамота от Гюргия к отцу и к матери. Продав двор, идите сюда — в Смоленск или в Киев: дешёв [здесь] хлеб. Если же не пойдёте, то пришлите мне грамотку, как вы живы-здоровы».*

Другая (1100—1120 гг.) — любовное послание: *«... Что за зло ты против меня имеешь, что в эту неделю [или: в это воскресенье] ты ко мне не приходил? А я к тебе относилась как к брату! Неужели я тебя задела тем, что посылала [к тебе]? А тебе, я вижу, не любо. Если бы тебе было любо, то ты бы вырвался из-под [людских] глаз и примчался... Буде даже я тебя по своему неразумию задела, если ты начнёшь надо мною насмехаться, то судит [тебя] Бог и моя худость (= я)».*

Третья — попытка разрешить возникшее между братьями недоразумение: *«Поклон от Ефрема к брату моему Исихию. Не расспросив, ты разгневался. Меня игумен не пустил, а я отпрашивался. Но он послал меня с Асафом к посаднику за мёдом. А вернулись мы, когда звонили. Зачем же ты гневаешься? Я ведь всегда твой. Для меня оскорбительно, что ты так плохо сказал: «И кланяюсь тебе, братец мой!» Ты бы хотя бы сказал: «Ты — мой, а я — твой!».*

Четвёртая представляет собой просьбу: *«От Никиты к Ульянице. Иди за меня замуж. Я тебя хочу, а ты меня. А на то свидетель Игнат Моисеев».*

Пятая — обращение к матери за помощью: *«Поклон от Григория к матери. Дай 30 гривен. Воина и сына подвергли пытке после суда о воровстве».*

В шестой некий Пётр просит Марью прислать копию купчей грамоты для подтверждения его прав на сенокосный участок перед местными жителями: *«Поклон от Петра к Марье. Покосил есмь пожню, и Озерици у меня сено отъели. Стужи список с купной грамоты да пришли семо, куды грамота поводе. Дать ми розумно».*

А в седьмой снова просьба прислать одного из слуг с жеребцом и сорочку, которую автор письма забыл: *«От Бориса ко Ностасии. Како приде ся грамота, тако пришли ми цоловек на жеребце, зане ми здесе дел много. Да пришли сорочицу, сорочице забыло».*

Примеров можно привести много: к сегодняшнему дню в разных городах найдено 1057 берестяных грамот.¹

Берестяные грамоты дают первые образцы русской письменной речи, для которой характерны современные своей эпохе разговорные обороты:

«ту я стою» (я на этом настаиваю);

«на Негосеме гривна» (за Негосемом (имя числится долг в 1 гривну);

«... три гривны не прощай. Если же не отдаст, то веди его к старосте Якуну».

«Приезжай, сделай милость».

В них присутствуют элементы деловой речи, широко используются традиционные речевые обороты, этикетные формулы, дошедшие и до современных текстов эпистолярного жанра. Например, формулы начала письма («Поклон от Ефрема к брату моему Исихию...», «Поклон от Григория к матери...») и его завершения («Приветствую тебя», «Ты еси мой, а я твой»).

Значительная часть из того, что в своё время понималось только как письмо, как принадлежность эпистолярного жанра, со временем стало восприниматься как произведения художественной литературы. Так, «Новая повесть о преславном Российском царстве и Великом Государстве Московском...» (печатается также под заглавием «Новая повесть») изначально автором повестью не называлась, т. к. представляет собой жанр так называемого «подмётного письма»², написанного в конце декабря 1610 г. или в начале января 1611-го. Повестью это письмо назвали современники.

Это подмётное письмо стало одним из значительных произведений Смутного времени, содержащим гневный протест против засилья польских интервентов в Москве, против попустительства им бояр и духовенства, против польского короля Сигизмунда и первого самозванца, а также энергичный призыв к восстанию против поработителей.

Автор в соответствии с этикетом жанра замечает: «И тому, что в этом письме я рассказываю вам и пишу, верьте без всякого сомнения! А я, к их

¹ С 2007 г. в интернете действует сайт «Древнерусские берестяные грамоты» www.gramoty.ru.

² Анонимное письмо, тайный донос или жалоба, письмо с угрозами, которое подбрасывали на крыльцо государственного учреждения или незаметно оставляли в его помещениях. А также агитационные листки как средство политической борьбы в России XVI—XVII вв., которые предназначались для передачи другим.

намерениям и замыслам прислушиваясь, помню свою православную веру и не хочу души своей грешной вконец погубить и в геенне быть».

В конце «Новой повести» содержится приличествующий этикету подмётного письма призыв: «А кто это письмо возьмёт и прочтёт, пусть бы его не таил, давал бы, осмотревшись и выведав, прочесть вкратце своей братии, православным христианам, тем, которые за православную веру хотят умереть, чтобы всё им стало известно, а не утаено, но не тем, которые были ранее нашими братьями, православными христианами, а ныне всей душой, без раскаянья, отвернулись от христианства и во врагов наших превратились, с ними, врагами, соединились, вместе с ними вооружились и хотят нас вконец погубить,— тем бы его ни в коем случае не показывали и не давали читать. Да будет на вас всех, доброжелателей Российского царства, милость божья и помощь пречистой богородицы и великих чудотворцев, которые у нас в Троице прославлены, и всех святых! Аминь»¹.

Другой выразительный пример того, как обмен письмами попал в поле историко-литературного процесса, представляет переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Произошло это, видимо, и потому, что в ней наглядно столкнулись разные идейные и культурные традиции. С одной стороны, Курбский — сторонник идеологии родовитого боярства, стремившегося удержать свои социальные привилегии и не останавливавшегося при этом перед изменой своему государству. А с другой, Иван Грозный — идеолог самодержавной царской власти, в интересах централизованного государства подавлявшей боярскую оппозицию, противостоявшую историческому ходу развития русской государственности.

Разность идеологических позиций только подчёркивается и разностью стиля их писем. Письменная речь Андрея Курбского — стройная, сжатая, искусно построенная речь ученика «заволжских старцев». А речь Ивана Грозного, словно в противовес, в оппозицию по-своему изысканному стилю Курбского — громоздкая, порой расплывчатая и очень многословная, не лишённая ярких черт просторечия и живого, разговорного языка.

Примеров того, как письма или переписка стали достоянием историко-литературного процесса в русской, как и в зарубежной литературе много.

А если практически...

I. Перечитайте первый эпиграф к «Введению» из Деметрия Фалерского: «Письмо пишется и посылается как своего рода подарок».

1. Как вы думаете, в чём смысл отношения к письму как к подарку? Есть ли вообще в этом какой-то смысл или это просто красивые слова?

2. Не устарела ли мысль философа античности для нашего времени? Обоснуйте своё мнение.

3. вспомните (подберите) крылатые слова, пословицы и поговорки, которые подтверждают/опровергают утверждение Деметрия.

¹ <http://lektsii.org/13-61418.html>

II. Перечитайте второй эпиграф (из Цицерона).

1. Вспомните, как часто вам приходилось (и приходилось ли вообще) писать письма, придерживаясь мнения древнеримского философа и оратора, чьё имя стало нарицательным.
2. Может быть это совсем неплохо, если «письмо не краснеет»?
3. Актуальна ли мысль Цицерона сегодня? Почему?

III. Поразмышляйте над словами Уильяма Фолкнера (третий эпиграф к этой главе), американского писателя XX века.

1. Как вы поняли смысл высказывания У. Фолкнера относительно «свободной страны»?
2. Вам приходилось пользоваться такой свободой? Если да, то в каких случаях?
3. Как вы думаете, в чём вообще смысл такой свободы?

IV. Перечитайте отрывки из берестяных грамот, приведённые выше.

1. Дают ли эти отрывки представление о том, каков был этикет письма на бересте? Если да, то каковы его главные, отличительные особенности?
2. Возможно ли, на ваш взгляд, использование этикетных форм берестяных грамот в наше время? Если да, то в каких случаях?

V. Перечитайте отрывки их «Новой повести», которая процитирована выше.

1. Как вы поняли, что такое подмётное письмо и в чём его отличие от письма обычного?
2. Какова этика подмётного письма?
3. Как вы думаете, есть ли смысл в том, чтобы рассматривать «Новую повесть» в историко-литературном аспекте? Обоснуйте своё мнение.

VI. Американская актриса Лиз Карпентер сожалела: «Как много мы потеряли, перестав писать письма! Телефонный разговор нельзя перечитывать снова и снова».

1. Можете вы согласиться тем, что мы много «потеряли, перестав писать письма»? Если да, то что бы вы включили в эти «потери»?
2. В чём, по вашему мнению, заключаются преимущества письма перед телефонным разговором, разве только в том, что их можно «перечитывать снова и снова»?

Концепт *письмо* в художественной литературе

*Каждый, кто пишет письмо,
даёт почти что изображение своей души.
Деметрий Фалерский*

*Письма — больше, чем воспоминанья:
на них запеклась кровь событий, это —
само прошедшее, как оно было,
задержанное и нетленное.
Александр Герцен*

*... Письма пишут разные:
Слёзные, болезные,
Иногда прекрасные,
Чаще — бесполезные.*

*В письмах всё не скажется
И не всё услышится,
В письмах всё нам кажется,
Что не так напишется.
Константин Симонов*

Для античного философа письма — это изображение своей души. Для А. И. Герцена — это «кровь событий», «само прошедшее.., задержанное и нетленное». А для лирического героя К. М. Симонова письма бывают и «слёзные», и «болезные», «прекрасные», но чаще всего «бесполезные». И это только малая часть тех отношений и пониманий письма, которые сложились в сознании человека и запечатлелись в произведениях художественной литературы.

Михаил Васильевич Ломоносов обращается к жанру поэтического письма с целью убеждения окружающих и, в первую очередь, власть имущих в полезности каких-то предметов и явлений, в необходимости предпринятая каких-то дел. Таковы его «Письмо к Его Высочорордию Ивану Ивановичу Шувалову» (1750) или «Письмо о пользе стекла» (1752), к тому же адресату.

Более чем через полтора столетия Владимир Маяковский начнёт обращаться с такими письмами к своим современникам, разумеется, по другим поводам. Например, «Письмо к любимой Молчанова, брошенной им, как о том сообщается в № 219 “Комсомольской правды” в стихе по имени “Свидание”», «Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви» или «Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому», хотя его муза знает и «Письмо Татьяне Яковлевой»,

проникнутое и глубочайшим чувством, в котором личное неотделимо от общественного:

В поцелуе рук ли,
 губ ли,
в дрожи тела
 близких мне
красный
 цвет
 моих республик
тоже
 должен
 пламенеть.

В нём есть вдохновенный призыв быть вместе и уверенность в такой возможности в будущем:

<...> Иди сюда,
иди на перекрёсток
моих, больших
 и неуклюжих рук.
Не хочешь?
 Оставайся и зимуй,
и это
 оскорбление
 на общий счёт нанижем.
Я всё равно
 тебя
 когда-нибудь возьму —
одну
 или вдвоём с Парижем¹.

Для лирического героя Алексея Апухтина, гадание способно предупредить о будущем интересном письме так же, как о хлопотах:

<...> Что-то грозит неизвестное...
Карты-то, карты какие!
Будет письмо интересное,
Хлопоты будут большие!²

В постскриптуме его стихотворения «Письмо» (1882) героиня признаётся в том, чем может быть продиктовано содержание письма и в чём смысл его

¹ Маяковский В. В. Письмо к Татьяне Яковлевой / Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 9. — М.: Гос. издат. Худож. лит., 1959. С. 386, 389.

² Апухтин А. Н. Гаданье / Апухтин А. Н. Полн. собр. стихотворений. — Л.: Сов. писатель, 1991. С. 139.

отправления адресу, даже если это содержание и самому автору кажется смешным:

<...> Тревога, ночь, — вот что письмо мне диктовало...
Теперь, при свете дня, оно
Мне только кажется смешно,
Но изорвать его мне как-то жалко стало!
Пусть к Вам оно летит от берегов Невы,
Хотя бы для того... чтоб рассердились Вы...¹

В этом стихотворении А. Апухтина представлена и позиция тех, кто не считает обязательным отвечать на письма:

<...> И знайте: я не жду ответа
Ни на письмо, ни на любовь.
Вам чувство каждое всегда казалось рабством,
А отвечать на письма... Боже мой!
На Вашем языке, столь вежливым порой,
Вы это называли «бабством»².

Перед нами — один из вариантов мысли У. Фолкнера (эпиграф к Введению) о том, что обмен письмами — это свободная страна, в которой одни «имеют право писать» письма, а я имеют «право не отвечать».

В другом случае лирический герой Апухтина считает своё письмо «стоном души», отражением помыслов:

Письмо у ней в руках. Прелестная головка
Склонилась над ним, одна в ночной тиши,
И мысль меня страшит, что, может быть, неловко
И грустно ей читать тот стон моей души...

О, только б ей прожить счастливой и любимой,
Недаром ввериться пленительным мечтам...
И помыслы мои всю ночь неудержимо,
Как волны Волхова, текут к её ногам...³

В послании В. А. Жуковского «К Б<лудов>у», героиня которой «белый свет постыл», сокрывшись в тереме одна, читает письмо друга

И робкою рукой
Ответ ко другу пишет,

¹ Апухтин А. Н. Гаданье. Там же. С. 224.

² Там же.

³ Апухтин А. Н. «Письмо у ней в руках. Прелестная головка...». Там же. С. 236.

Где в каждом слове дышит
Души её печаль¹.

Для его лирического героя письмо может носить, что вполне естественно, и не совсем приятный характер, даже «дурной», а единственным положительным качеством его в таком случае оказывается краткость, поэтому и писать его не стоило:

Хорошо, что ваше письмо *коротко, но то дурно,*
что оно не ясно; почему и не могу я
Сказать вам: *коротко да ясно*²!
Истратили напрасно
Зелёных вы чернил!
Какой вам злоязычник
Меня так очернил...³

Лирическому герою Георгия Ива́нова письмо может нести холод и неприветливость, а потому не доносит «милого голоса» до его душевной обители:

Вот — письмо. Я его распечатаю
И увижу холодные строки.
Неприветливые и далёкие,
Как осенью — статуи...
.....
Тихая скорбь томительная
Душу колышет.
Никогда не услышит
Милого голоса обитель моя⁴.

На своей этике обращения с письмом настаивает лирическая героиня Анны Ахматовой, словно бы напоминания о том, что письмо, как это уже неоднократно отмечалось, начиная с философа Деметрия Фалерского, — это подарок:

Ты письмо моё, милый, не комкай.
До конца его, друг, прочти.
.....
Ты письмо моё, милый, не комкай,
Не плачь о заветной лжи,

¹ Жуковский В. А. К Б<лудов>у / Жуковский В. А. Соч.: В 3 т. Т. 1. — М.: Худож. лит., 1980. С. 151.

² Курсив В. А. Жуковского.

³ Жуковский В. А. «Хорошо, что ваше письмо коротко, но то дурно...». Там же. С. 180.

⁴ Иванов Г. В. Лампада / Иванов Г. В. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. — М.: Согласие, 1994. С. 80.

Ты его в твоей бедной котомке
На самое дно положи¹.

Этими же этикетными требованиями продиктовано и сравнение себя, оставленной другом, с письмом:

... Брошена! Придуманное слово —
Разве я цветок или письмо?²

Лирический герой П. А. Вяземского, увидев берёзу «среди избранных деревьев», сравнивал её с письмом матери:

<...> Из нас кто мог бы хладнокровно
Завидеть русское клеймо?
Нам здесь и ты, берёза, словно
От милой матери письмо³.

Письмо может выступать в качестве политической декларации, раскрытия сущности социума и своего места в нём. Герой ролевого стихотворения Зинаиды Гиппиус «Письмо из Совдепии», который представляется как «рабочий, пролетарий, / Из Петрограда — металлист», не знает конкретного адресата, но хочет много рассказать о своей нынешней жизни, призвать тех, кто ещё свободен, честен и жив, к тому, чтобы освободить Совдепию:

С аэроплана посылаю
Письмо — кому? Кому-нибудь.
Хочу сказать, что умираю,
Что тяжкий камень давит грудь.
.....
Кому б листочки ни попались,
Пусть он поверит, пусть поймёт:
Мы ныне в муке все сравнялись,
Нет ни рабочих, ни господ.
.....
Труслив наш враг, хотя и ловкий,
Легко с ним справимся и мы...
Но развяжите нам верёвки,
Освободите из тюрьмы!
Зовём из вражеского стана,
Из преисподней мы кричим...

¹ Ахматова А. А. «Ты письмо моё, милый, не комкай...» / Ахматова А. А. Соч.: В 2 т. Т. 1. — М.: Правда, 1990. С. 64.

² Ахматова А. А. «Проводила друга до передней...» Там же. С. 54.

³ Вяземский П. А. Берёза / Вяземский П. А. Соч.: В 2 т. Т. 1. — М. Худож. лит., 1992. С. 314.

Лети, письмо с аэроплана,
К свободным, честным и живым!¹

Совершенно иными интонациями проникнуты ставшие хрестоматийными «Письмо матери» и «Письмо от матери», «Письмо к женщине» и «Письмо деду», «Письмо к сестре» С. А. Есенина. Видимо, не случайно, они написаны в довольно короткий промежуток времени (5 — в 1924 году и одно — в 1925-м), словно бы попытка объясниться и подвести некий итог, итоги своей жизни.

Кстати, идейное содержание этой есенинской «переписки» может быть темой ученического исследовательского проекта. Интересным будет и исследование на тему «Своеобразие жанра письма в лирике С. А. Есенина». Помимо тех стихотворений, которые уже названы, можно обратиться, например, к тому, какую роль выполняет письмо в его поэме «Анна Снегина» («Мне мельник прислал письмо...»), о котором автор в финале поэмы замечает:

Письмо как письмо.

Беспричинно.

Я в жисть бы таких не писал...²

Героиня стихотворения Михаила Кузмина «Письмо» сочла необходимым признаться том, как повлияло на неё полученное письмо, какие желания вызвало:

Я тронута письмом, что вы прислали,
Печали голос так понятен в нём,
Огнём любви те строки трепетали,
О если б ваша ночь вновь стала днём!...³

Письма оказываются постоянно одним из важнейших обстоятельств развития действия, изменений в жизни и судьбе героев, объяснением мотивов поведения героев и самого автора в творчестве Александра Сергеевича Пушкина. Так, издатель «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» сообщает, что он обратился «к одному почтенному мужу, бывшему другом Ивану Петровичу», от которого получил «желаемый ответ», как «драгоценный памятник благородного образа мнений и трогательного дружества, а вместе с тем, как и весьма достаточное биографическое известие»⁴.

Главные события повести «Выстрел» начинаются с того, что Сильвио, получив письмо извещает окружающих о том, что должен немедленно уехать. Марья Гавриловна в повести «Метель» прежде чем отправиться на тайное венчание в село Жадрино написала письма: к одной своей подруге, к

¹ Гиппиус З. Н. Письмо из Совдепии / Гиппиус З. Н. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. Сумерки духа: Роман. Повести. Рассказы. Стихотворения. — М.: Русская книга, 2001. С. 527.

² Есенин С. А. Анна Снегина / Есенин С. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. Поэмы. — М.: Худож. лит., 1978. С. 73.

³ Кузмин М. А. Письмо / Кузмин М. А. Избранное. — СПб.: Диамант — Золотой век, 1998. С. 225.

⁴ Пушкин А. С. Повести покойного Ивана Петровича Белкина. От издателя / Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. — М.: Худож. лит. 1975. С. 38.

родителям, в котором «она прощалась с ними в самых трогательных выражениях, извиняла свой проступок неодолимою силою страсти и оканчивала тем, что блаженнейшею минутою жизни почтёт она ту, когда позволено будет ей броситься к ногам дражайших её родителей»¹.

Свою роль играют письма героев в повести «Барышня-крестьянка».

Одной из причин развития и разрастания конфликта между героями повести «Дубровский» выступает письмо, которое прислал Кириллу Петровичу Троекурову Андрей Гаврилович Дубровский после происшествия на псарном дворе. Проблемка заключалась ещё и в том, что «по нынешним понятиям об этикете письмо сие было бы весьма неприличным, но оно рассердило Кирилла Петровича не странным слогом и расположением, но только своею сущностью»².

Письмо старшего Дубровского убедило Шабашкина в том, что он не очень смыслит в делах защиты своего имущества. Из письма своей «верной рабы», няньки Орины Егоровны Владимир Дубровский узнаёт о событиях в Кистенёвке. Письмо, наряду с аттестатами, выступает тем документом, благодаря которому Владимир Дубровский был принят в доме Троекурова. В этой пушкинской повести письмо часто является важным звеном в развитии действия, что может быть темой ученического исследовательского проекта.

В романе «Евгений Онегин» письма Татьяны к Онегину и Онегина к Татьяне выполняют свою особенную роль и в характеристике героев, и в развитии действия. О первом из писем автор, помимо всего прочего сообщает:

Письмо Татьяны предо мною;
Его я свято берегу,
Читаю с тайною тоскою
И начитаться не могу...³

А письмо Онегина автор просто передаёт «точь-в-точь».

В «Капитанской дочке» появление письма также является свидетельством, знаком грядущих событий, изменений в судьбах героев.

Письмо оказывается едва ли не главной причиной событий, которые разворачиваются в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»: если бы не письмо от Андрея Ивановича Чмыхова, которое получил Городничий, то никто, по всей вероятности, не обратил бы внимания на поселившегося в уездной гостинице молодого человека лет двадцати трёх, тоненького и худенького, несколько приглуповатого и даже «без царя в голове», одного «из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими»⁴.

Если ли бы не привычка Почтмейстера входящие и исходящие письма «этак немножко распечатать и прочитать: не содержится ли в нём какого-нибудь донесения или просто переписки», то чиновники города так и не узнали

¹ Пушкин А. С. Метель. Там же. С. 55.

² Пушкин А. С. Дубровский. Там же. С. 131—132.

³ Пушкин А. С. Евгений Онегин. Там же. Т. 4. С. 60.

⁴ Гоголь Н. В. Ревизор / Гоголь Н. В. Избр. соч. — М.: Худож. лит., 1987. С. 247.

бы о том, что стали жертвой обыкновенного прохвоста, которого в дороге «обчистил» пехотный капитан. Примечательно признание самого Почтмейстера в том, почему он читает чужие письма: «... это я делаю не то чтоб из предосторожности, а больше из любопытства: смерть люблю узнать, что есть нового на свете. Я вам скажу, что это преинтересное чтение. Иное письмо с наслаждением прочтёшь — так описываются разные пассажи... а назидательность какая... лучше, чем в “Московских ведомостях”!»¹.

Письмо в комедии Гоголя оказывается одной из причин развернувшихся в ней событий: Городничий был готов к появлению чиновника из Петербурга, который прибудет в город инкогнито, благодаря письму своего приятеля. И письмо же становится фактом, приводящим к завершению конфликта, выяснению истинной сути произошедших событий.

А герой поэмы «Мёртвые души» Чичиков, узнав, что Коробочка имеет в городе поверенного, которого можно уполномочить на совершение крепости, «попросил её написать к нему доверенное письмо и, чтобы избавить от лишних затруднений, сам даже взялся сочинить»².

С письмом в жизни Чичикова связана загадочная, романтическая история. Однажды он нашёл у себя анонимное письмо, в котором говорилось о тайном сочувствии «между душами», сообщалось «несколько мыслей, весьма замечательных по своей справедливости», а также приглашение «Чичикова в пустыню, оставить навсегда город, где люди в душных оградах не пользуются воздухом»: «... Окончание письма отзывалось даже решительным отчаяньем и заключалось такими стихами:

Две горлицы покажут
Тебе мой хладный прах.
Воркуя томно, скажут,
Что она умерла во слезах.

В последней строке не было размера, но это, впрочем, ничего: письмо было написано в духе тогдашнего времени. Никакой подписи тоже не было: ни имени, ни фамилии, ни даже месяца и числа. В *postscriptum*³ было только прибавлено, что его собственное сердце должно отгадать писавшую и что на бале у губернатора, имеющем быть завтра, будет присутствовать сам оригинал».

Героя анонимное письмо заинтересовало, так как в нём было много «заманчивого и подстрекающего любопытство», он понял, что дело «сделалось сурьёзно». К тому же он решил, что «письмо очень, очень кудряво написано!»⁴

И дело в данном случае даже не в том, к каким последствиям привело излишнее внимание героя к анонимному письму, а в том, какую реакцию оно вызывает, к каким действиям, поступкам может побудить человека аноним.

¹ Гоголь Н. В. Ревизор. Там же. С. 252.

² Гоголь Н. В. Мёртвые души. Там же. С. 383.

³ В приписке (*лат.*) — примечание Н. В. Гоголя.

⁴ Гоголь Н. В. Мёртвые души. Там же. С. 467—468.

Нередко развитие действия в художественном произведении меняется благодаря полученному или прочитанному письму (как это можно наблюдать, например, в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»), однако письмо, несмотря на неожиданность и даже неприятность содержания не всегда оказывается способно привести к каким-то изменениям. Так происходит с заглавным героем романа Ивана Андреевича Гончарова: «... Обломов накануне получил из деревни, от своего старосты, письмо неприятного содержания. Известно, о каких неприятностях может писать староста: неурожай, недоимки, уменьшение дохода и т. п. Хотя староста и в прошлом, и в третьем году писал к своему барину точно такие же письма, но и это последнее письмо подействовало так же сильно, как всякий неприятный сюрприз».

Оказывается, несколько лет назад, ещё по первому аналогичному по содержанию письму Илья Ильич «уже стал создавать в уме план разных перемен и улучшений в порядке управления своим имением». Другое дело, что и через несколько лет «план был ещё далеко не весь обдуман, а неприятные письма старосты ежегодно повторялись, побуждали его к деятельности и, следовательно, нарушали покой». После очередного письма герой «сознавал необходимость, до окончания плана предпринять что-нибудь решительное»¹.

Примечательная деталь: чуть позже Илье Ильичу и его слуге Захару понадобилось много времени, чтобы отыскать это письмо с неприятным содержанием, пока оно случайно не было обнаружено в складках одеяла. Через некоторое время письмо старосты будет в глазах героя уже «зловещим».

Письмо, как таковое ещё неоднократно появляется в романе и сыграет важную роль в судьбе героя, в связи с чем учащимся можно предложить исследовательскую работу на тему: «Концепт письмо в романе И. А. Гончарова “Обломов”».

С нетерпением ждёт письма от матери главный герой романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», а, получив, «он даже побледнел». Письмо для него тот самый «подарок» (Деметрий Фалерский), к которому герой не может относиться спокойно: «Письмо дрожало в руках его; он не хотел распечатывать при ней: ему хотелось остаться *наедине* с этим письмом. Когда Настасья вышла, он быстро поднёс его к губам и поцеловал; потом долго ещё вглядывался в почерк адреса, в знакомый и милый ему мелкий и косенький почерк его матери, учившей его когда-то читать и писать. Он медлил; он даже как будто боялся чего-то. Наконец распечатал: письмо было большое, плотное, в два лота; два большие почтовые листа были мелко-намелко исписаны»¹.

Замечание писателя о желании героя остаться с письмом наедине (автор выделяет это слово курсивом) свидетельствует о некоем даже интимном отношении к этим исписанным листам бумаги. Чуть ниже есть ещё два примечательных замечания: «Письмо матери его измучило. Но относительно главного, капитального пункта сомнений в нём не было ни на минуту, даже

¹ Гончаров И. А. Обломов / Гончаров И. А. Избр. соч. — М.: Худож. лит., 1990. С. 22

¹ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание / Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Художественные произведения. Т. I—XVII. Т. VI. — Л.: Наука, 1973. С. 27.

в то ещё время, как он читал письмо. Главнейшая суть дела была решена в его голове и решена окончательно...»²

Отношение героя к полученному письму, а также то, как повлияло оно на настроение Родиона Раскольникова, его дальнейшую судьбу, логику его последующих поступков, может стать темой ученического исследовательского проекта.

У Леонида Андреева письмо может выступать как несущее весть о беде, несчастье. Так, в рассказе «Петька на даче», узнав содержание письма, пришедшего из города, мать главного героя заплакала. Сам Петька, узнав, что в письме требуется его возвращение в город, «не просто заплакал, как плачут городские дети, худые и истощённые, — он закричал громче самого горластого мужика и начал кататься по земле, как те пьяные женщины на бульваре. Худая ручонка его сжималась в кулак и била по руке матери, по земле, по чём попало, чувствуя боль от острых камешков и песчинок, но как будто стараясь ещё усилить её»³.

В литературе есть примеры того, как всё содержание передаётся посредством писем, так называемый эпистолярный роман или роман в письмах, жанр которого стал особенно популярным в XVIII веке, в первую очередь, в творчестве писателей-сентименталистов. У А. С. Пушкина он так и называется «Роман в письмах». Первый роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди» построен как переписка между Макаром Деушкиным и Варварой Добросёловой.

Письма жалкого телеграфиста Желткова к княгине Вере Николаевне Шеиной в рассказе «Гранатовый браслет» будут осмеяны её родственниками и знакомыми, но благодаря им она узнаёт о том, какая большая любовь прошла мимо неё

Художественная литература знает примеры неприемлемого обратного адреса, то есть такого, с которого не принято и неприлично отправлять письма, скажем, к близкому и дорогому человеку. В романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» на предложение Ивана Бездомного дать о себе знать любимой Мастер возражает: «... Перед нею, — гость благоговейно посмотрел в тьму ночи, — легло бы письмо из сумасшедшего дома. Разве можно посылать письма, имея такой адрес? Душевнобольной? Вы шутите, мой друг! Сделать её несчастной? Нет, на это я не способен»¹.

Художественная мысль в данном случае утверждает, что не только само письмо может сделать человека несчастным, но даже и адрес отправителя.

Однако наиболее распространённые причины присутствия, появления письма в структуре художественного текста связаны и необходимостью донести, получить информацию, объяснить суть произошедших событий, как, например в романе того же М. Булгакова «Белая гвардия»: «— Впрочем, извиняюсь, — сказало видение, всё более и более выходя из зыбкого, сонного тумана и превращаясь в настоящее живое тело, — вам, вероятно, не совсем ясно? Так не

² Там же. С. 35.

³ Андреев Л. Н. Петька на даче / Андреев Л. Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. — М.: Худож. лит., 1990. с. 146—147.

¹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита / Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. — М.: Худож. лит., 1992. С. 146.

угодно ли, вот письмо — оно вам всё объяснит. Я не скрываю своего позора ни от кого, как джентльмен»².

По мнению героини того же романа Елены Васильевны, письма бывают: те, которые не пропадут и обязательно дойдут до адресата, да ещё и такие содержание которых становится понятным, как только возьмёшь их в руки: «Письмо из-за границы? Да неужели? Вот бывают же такие письма. Только возьмёшь в руки конверт, а уже знаешь, что там такое. И как оно пришло. Никакие письма не ходят. Даже из Житомира в Город приходится посылать почему-то с оказией. И как всё у нас глупо, дико в этой стране. Ведь оказия-то эта самая тоже в поезде едет. Почему же, спрашивается, письма не могут ездить, пропадают? А вот это дошло. Не беспокойтесь, такое письмо дойдёт, найдёт адресата. Вар... Варшава. Варшава. Но почерк не Тальберга. Как неприятно сердце бьётся»³.

Приведённые в довольно значительном объёме примеры присутствия и роли концепта письмо в художественном тексте являются только малой, незначительной частью картины. К примеру, даже не упомянуты имена И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и Н. С. Лескова Е. И. Замятина и В. В. Набокова... Обращение к их произведениям в аспекте присутствия концепта письмо, как уже предлагалось в связи с творчеством других авторов, может быть связано с написанием исследовательских ученических раб

Тип письма и этикет

*Почти все важные дела люди совершают путём переписки;
следовательно, одного умения говорить недостаточно.*

Люк де Вовенарг

*Писание писем — единственный способ
сочетать уединение с хорошей компанией.*

Джордж Гордон Байрон

*Как много мы потеряли, перестав писать письма!
Телефонный разговор нельзя перечитывать снова и снова.*

Лиз Карпенгер

В словах французского философа и писателя XVIII Люка де Вовенарга заложена мысль, оставшаяся актуальной и для нашего времени. При самом большом доверии к произнесённому слову информации, обещания или договорённости надёжней, если такие моменты человеческого общения закреплены, представлены письменно. И речь не только о каких-то государственных или деловых отношениях, но и об отношениях между людьми в быту, в повседневной жизни.

² Булгаков М. А. Белая гвардия. Там же. Т. 1. С. 325.

³ Там же. С. 419.

А в словах Байрона виден хороший поэт, знающий цену и уединению, и общению, понимающий письмо как уникальный, «единственный способ» сочетания двух проявлений человеческой сущности.

Американская актриса Лиз Карпентер видела ценность письма в возможности неоднократного к нему возвращения, чего не даёт не только телефонный разговор, но и СМС-сообщения, которые в конечном итоге всё равно когда-то придётся удалить.

Однако для того, чтобы важные дела «путём переписки» (Люк де Вовенарг) свершились, а уединение гармонично сочеталось с «хорошей компанией» (Джордж Гордон Байрон), чтобы возникало желание «перечитывать снова и снова» необходимо соблюдение некоторых условий написания письма.

Относительно бытового письма одно из таких условий заключается в том, чтобы не писать слишком длинно, памятуя о чеховском «кратность – сестра таланта», хотя какой там, казалось бы, талант, ведь речь идёт об обычном письме. Замечание, вроде бы, верное, однако необходимо помнить, что длинное письмо, как правило, получается сумбурным, с повторами и чаще всего необязательными подробностями. Если же не удаётся избежать длинот, то необходимо более внимательно подходить к соблюдению правил оформления письменного послания, чтобы облегчить своему адресату чтение, получение заложенной в нём информации. Самые простые правила заключаются в необходимости оставлять поля, нумеровать страницы, использовать только общепринятые сокращения и др.

Не способствует правильному восприятию письменного послания нарушение правил орфографии и пунктуации. И всё это при этом, что автору известно ироничное высказывание американского писателя и художника рубежа XIX—XX века Элберта Хаббарда: «Грамматика — могила эпистолярного жанра».

А если к тому и почерк автора письма неразборчив (хотя сегодня более распространён вид письма, набранного на компьютере, но последний не всегда может оказаться под рукой), то это не только свидетельство небрежности как проявления неуважения к адресату, но и фактор, затрудняющий восприятие информации. Небрежный, неразборчивый почерк автора письма может вызвать неуважительно-небрежное отношение читающего к тому, что написано: в неряшливо написанное обычно нет желания вникать уважительно и внимательно, воспринимать сущность написанного.

Если вернуться к первому из названных условий, то в качестве примера того, какими не только могут, но должны быть длинные письма, приведём «Письмо» Даниила Хармса:

«Дорогой Никандр Андреевич, получил твоё письмо и сразу понял, что оно от тебя. Сначала подумал, что оно вдруг не от тебя, но как только распечатал, сразу понял, что от тебя, а то было подумал, что оно не от тебя. Я рад, что ты давно женился, потому что когда человек женится на том, на

ком он хотел жениться, то значит, что он добился того, чего хотел. И я вот очень рад, что ты женился, потому что, когда человек женится на том, на ком хотел, то значит, он добился того, чего хотел. Вчера я получил твоё письмо и сразу подумал, что это письмо от тебя, но потом подумал, что кажется, что не от тебя, но распечатал и вижу — точно от тебя. Очень хорошо сделал, что написал мне. Сначала не писал, а потом вдруг написал, хотя ещё раньше, до того, как некоторое время не писал, — тоже писал. Я сразу, как получил твоё письмо, сразу решил, что оно от тебя, и, потому, я очень рад, что ты уже женился. А то, если человек захотел жениться, то ему надо во что бы то ни стало жениться. Поэтому я очень рад, что ты, наконец, женился именно на том, на ком и хотел жениться. И очень хорошо сделал, что написал мне. Я очень обрадовался, как увидел твоё письмо, и сразу даже подумал, что оно от тебя. Правда, когда распечатывал, то мелькнула такая мысль, что оно не от тебя, но потом, всё-таки, я решил, что оно от тебя. Спасибо, что написал. Благодарю тебя за это и очень рад за тебя. Ты, может быть, не догадываешься, почему я так рад за тебя, но я тебе сразу скажу, что рад я за тебя потому, потому что ты женился, и именно на том, на ком и хотел жениться. А это, знаешь, очень хорошо жениться именно на том, на ком хочешь жениться, потому что тогда именно и добиваешься того, чего хотел. Вот именно поэтому я так рад за тебя. А также рад и тому, что ты написал мне письмо. Я ещё издали решил, что письмо от тебя, а как взял в руки, так подумал: а вдруг не от тебя? А потом думаю: да нет, конечно, от тебя. Сам распечатываю письмо и в то же время думаю: от тебя или не от тебя? Ну, а как распечатал, то и вижу, что от тебя. Я очень обрадовался и решил тоже написать тебе письмо. О многом надо сказать, но буквально нет времени. Что успел, написал тебе в этом письме, а остальное потом напишу, а то сейчас совсем нет времени. Хорошо, по крайней мере, что ты написал мне письмо. Теперь я знаю, что ты уже давно женился. Я и из прежних писем знал, что ты женился, а теперь опять вижу — совершенно верно, ты женился. И я очень рад, что ты женился и написал мне письмо. Я сразу, как увидел твоё письмо, так и решил, что ты опять женился. Ну, думаю, это хорошо, что ты опять женился и написал мне об этом письмо. Напиши мне теперь, кто твоя новая жена и как это всё вышло. Передай привет твоей новой жене»¹.

Приведённый пример наглядное свидетельство того, как не надо писать письма, особенно если особой нужды в той информации, которая есть в послании, нет. Подзабытый нами эпистолярный жанр исходит из того, что каждый пишущий создаёт свой стиль, свою композицию письма, свою манеру изложения. Каждый пишущий волен по-своему использовать средства выразительности как в личной, так и в официальной переписке. К примеру, уже начало письма может свидетельствовать о том, в каких отношениях автор находится с адресатом, а также о сложившейся культуре письменного общения.

¹ <http://haharms.ru/rasskaz30.html>

Здравствуй, привет, здравствуйте, приветик, спешу поделиться, дорогой, любимый, уважаемый, глубокоуважаемый, милый, родной... Понятно, что речь идёт о начале письма, выбор которого за автором.

При этом мы прекрасно понимаем, что есть некие общие принципы письменного общения. И сегодня становится всё больше и больше желающих научиться писать письма, что отразилось даже в творчестве некоторых поэтов. Вот как об этом написала Катя Григ:

Научите меня писать письма,
Чтобы ровной лёгкой строкой
На бумаге осенними листьями
Рисовался красивый покой.

Чтобы в доме, который напротив,
Получая конверты, деда
Аккуратно читали все письма
Написанные от руки.

Научите меня писать письма
Не кривым плаксивым житьём,
А каёмкою лета красной,
Чтобы песня лилася рекой.

И как только все окна откроют
Люди света настезь ветрам,
Пусть летят слова моей песни
Пусть горят, пусть режут по горам.

Всё равно, что не выплусь сегодня,
Наплевать на дожди и на грязь,
Я дойду до вашего дома,
Где история началась.

Научите меня писать письма,
Чтоб до дрожи в руке мечтать,
Чтоб писать почтальонам книги,
По любимым чтоб меньше скучать.

«Научите меня писать письма...»¹

Одним из путей такого научения является понимание того, какие типы писем существуют. Воспользуемся мыслью Аристотеля, который признавался, что писал в письме только то, что «подходило для письма» и считал, что «поскольку мы иногда пишем и к городам и к царям... нужно учитывать то,

¹ <http://www.stihi.ru/2012/04/05/10343>

кому пишется письмо», не забывая при этом, «что слог письма должен сочетать в себе две черты — изящество и сжатость».

Авторы коллективного, посвящённого эпистографии, считают, что от времён античности и до наших дней сформировался «двадцать один тип писем. Возможно, что со временем число их возрастет: составители руководств и правил весьма изобретательны. В наше время нет удобного образца эпистолярной формы. Своё название каждый тип: писем получает в зависимости от основной мысли письма»².

Типы писем, точнее, *типы содержания* писем, речь о которых пойдёт ниже, редко встречаются в так называемом чистом виде. Чаще всего письма представляют собой сочетание разных типов содержания, демонстрируют органичность или её отсутствие при переходе от одного типа содержания к другому.

Первый тип писем в данной классификации можно определить как **дружеский**. Это письма, адресованные не обязательно только другу, но адресатам, с которыми автор находит нужным общаться именно в таком эмоциональном тоне. Примеров таких писем много в эпистолярном наследии А. С. Пушкина:

«Посылаю тебе, барон, вассальскую мою подать, именуемую Цветочною, по той причине, что платится она в ноябре, в самую пору цветов. Доношу тебе, моему владельцу, что нынешняя осень была детородна, и что коли твой смиренный вассал не околеет от сарацинского надежа, холерой именуемого, и занесённого нам крестошьи воинами, т. е бурлаками, то в замке твоём, Литературной Газете, песни трубадуров не умолкнут круглый год. Я, душа моя, написал пропасть полемических статей, но не получая журналов, отстал от века и не знаю в чём дело — и кого надлежит душить, Полевого или Булгарина...» (А. А. Дельвигу 4 ноября 1830 г.).

Такие письма пишут не всегда, как в случае в А. С. Пушкиным, настоящим друзьям, иногда и незнакомым людям в расчёте на взаимность.

Второй тип писем носит **рекомендательный** характер, когда помимо информации или похвалы адресату ему предлагают, рекомендуют, советуют совершить какие-то действия, исправить уже сделанное.

«... Будет весьма полезно и благородно, если ты сочтёшь возможным продемонстрировать в планируемом выступлении верность нашим идеалам.

Ты хорошо сделаешь, если расскажешься в своих нынешних заблуждениях и не станешь более хвалиться ими».

² Античная эпистография: очерки / АН СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького. — М. : Наука, 1967. С. 221.

Третий тип писем можно определить как **пренебрежительный**. Автор такого письма считает себя вправе высказать своё превосходство адресату или упомянуть о том, что дела или слова последнего какого веса, значения не имеют.

«Готов воздать Вам должное, однако на уровне, однако на том уровне, что сказанное Вами имеет мало смысла. Вы, видимо, считаете себя великим знатоком поэзии, но всё Ваше рассуждение как-то не очень грамотно. Меня Ваше мнение о моих стихах волнует менее всего: оно не для грамотных, знающих себе цену людей».

Четвёртый тип содержания письма можно назвать **упрекающим**. Это письмо, в котором адресата упрекают, журят за содеянное, за действие или бездействие за невнимание или неблагодарность. Иногда такой упрек может носить шуточный характер, как, например в письме А. С. Пушкина П. А. Плетнёву:

«Хорош!.. не хотел со мною проститься и ни строчки мне не пишешь. Сей час еду в Нижний, т. е. в Лукоянов, в село Болдино - пиши мне туда, коли вздумаешь. Милый мой, расскажу тебе всё, что у меня на душе: грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха тридцатилетнего, хуже 30-ти лет жизни игрока...» (П. А. Плетнёву 30 августа 1830 г.).

Пятый тип письма по характеру содержания определяется как **утешительный**: такие письма пишут тому, кто огорчён и даже подавлен какими-то отрицательными, а то и трагическими событиями. В апреле 1863 года И. С. Тургенев писал В. Н. Кашперову:

«Любезнейший Кашперов, я давным-давно собирался писать Вам в ответ на Ваши любезные письма, но всё откладывал: а теперь хочу непременно пожать Вам руку после Вашего неожиданного и незаслуженного поражения. Я очень рад видеть, что Вы переносите эту беду с твердостью — и мне было также приятно прочесть в италиянских журналах открытое сознание фактов, причинивших падение Вашей опере. Что делать!

Родина — как жена или мать: иногда жутко от неё приходится — но ведь не расстанешься же с нею. Повторяю: в таких случаях надо встряхнуться, стиснуть зубы — и опять за работу. Главное — можете ли Вы сами применить к себе стих Пушкина:

“Доволен ли ты сам, взыскательный художник?” И если можете, то: “пускай толпа тебя бранит...”

*Мне бы очень было приятно свидеться с Вами — но как и где? Я через 10 дней уезжаю отсюда на житье в Баден, где пробуду всё лето. А Ваши какие намерения? Пишите мне в Ваден, *poste restante*.*

*Крепко жму Вам руку, во второй раз — говорю вам: *coraggio!* — и прошу передать мой дружеский поклон Вашей жене».*

Шестой тип письма можно назвать **порицающим**, содержащим упрёки адресату по случаю совершения им поступков, которые автору неприятны.

«Ты зря плывёшь по течению: это опасно, потому что происходят события без твоего активного участия. Плывающий по течению, как ты сейчас, близок к преступлению. Твоё безволие и безделье вошли в обычай, твоя праздность становится невыносимой, да к тому же ты решил жить неправдой...»

Или в письме А. С. Пушкина барону Л. Геккерну 21 ноября 1836 года:

«Но вы, барон, — Вы мне позволите заметить, что ваша роль во всей этой истории была не очень прилична. Вы, представитель коронованной особы, вы отечески сводничали вашему незаконнорождённому или так называемому сыну; всем поведением этого юнца руководили вы. Это вы диктовали ему пошлости, которые он отпускал, и глупости, которые он осмеливался писать. Подобно бесстыжней старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о вашем сыне, а когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть дома, истощённый лекарствами, вы говорили, бесчестный вы человек, что он умирает от любви к ней; вы бормотали ей: „Верните мне моего сына...“».

Такой тип часто используется для написания так называемых открытых писем, которые необходимо понимать как разновидность публичного выступления, в форме обращения к конкретному адресату или адресатам. Небольшой отрывок из такого письма:

«<...> Давно уже в своих статьях и публичных речах Вы, Михаил Александрович, имеете обыкновение отзываться о писателях с пренебрежением и грубой насмешкой. Но на этот раз Вы превзошли самого себя. Приговор двум интеллигентным людям, двум литераторам, не отличающимся крепким здоровьем, к пяти и семи годам заключения в лагерях со строгим режимом, для принудительного, непосильного физического труда — т. е., в сущности, приговор к болезни, а может быть, и к смерти, представляется Вам недостаточно суровым. Суд, который осудил бы их не по статьям Уголовного кодекса, без этих самых статей — побыстрее, попроще — избрал бы, полагаете Вы, более тяжкое наказание, и Вы были бы этому рады...» (Открытое письмо Л. К. Чуковской М. А. Шолохову, 25 мая 1966 г.).

Писатели обращаются к форме открытого письма как своеобразной жанровой форме, как, например, «Открытое письмо» К. Симонова 1943 года, обращённое к женщине, которая не дождалась мужа с войны:

<...> «Не утруждай». «Муж». «Аттестат»...
Да где ж вы душу потеряли?
Ведь он же был солдат, солдат!
Ведь мы за вас с ним умирали.

Я не хочу судьёю быть,
Не все разлуку побеждают,
Не все способны век любить, —
К несчастью, в жизни всё бывает.

Ну хорошо, пусть не любим,
Пускай он больше вам не нужен,
Пусть жить вы будете с другим,
Бог с ним, там с мужем ли, не с мужем.

Но ведь солдат не виноват
В том, что он отпуска не знает,
Что третий год себя подряд,
Вас защищая, утруждает.

Что ж, написать вы не смогли
Пусть горьких слов, но благородных.
В своей душе их не нашли —
Так заняли бы где угодно¹.

Шестому типу писем по характеру содержания близок *седьмой* — *вразумляющий*, предназначение которого — раскрыть неправоту адресата и направить на тот путь, который, по мнению автора письма, является правильным, истинным, разъяснить, что можно или нужно делать, а чего нельзя. Естественно, что при такой направленности содержания в нём присутствует и элемент порицания.

«Если не наставить тебя на путь истинный, то никогда не будешь человеком, который хорошо смотрится в обществе. Не надо вести себя так глупо: благодаря собственному длинному языку постоянно демонстрировать собственное невежество. Для тебя есть настоящая необходимость вспомнить народную мудрость о том, кто имеет возможность сойти за умного. Вот и молчи...»

А. С. Пушкин таким образом пытался вразумить своего семнадцатилетнего брата Льва:

¹ *Симонов К. М. Открытое письмо / Симонов К. М. Жди меня. — М.: Изд-во Эксмо, 2006. С. 176—177.*

«<...> Не суди о людях по собственному сердцу, которое, я уверен, благородно и отзывчиво и, сверх того, ещё молодо; презирай их самым вежливым образом: это — средство оградить себя от мелких предрассудков и мелких страстей, которые будут причинять тебе неприятности при вступлении твоём в свет. Будь холоден со всеми; фамильярность всегда вредит; особенно же остерегайся допускать её в обращении с начальниками, как бы они ни были любезны с тобой. Они скоро бросают нас и рады унижить, когда мы меньше всего этого ожидаем.

Не проявляй услужливости и обуздывай сердечное расположение, если оно будет тобой овладевать; люди этого не понимают и охотно принимают за угодливость, ибо всегда рады судить о других по себе. Никогда не принимай одолжений. Одолжение, чаще всего — предательство. — Избегай покровительства, потому что это порабощает и унижает. Я хотел бы предостеречь тебя от обольщений дружбы, но у меня не хватает решимости ожесточить тебе душу в пору наиболее сладких иллюзий. То, что я могу сказать тебе о женщинах, было бы совершенно бесполезно. Замечу только, что чем меньше любим мы женщину, тем вернее можем овладеть ею. Однако забава эта достойна старой обезьяны XVIII столетия. Что касается той женщины, которую ты полюбишь, от всего сердца желаю тебе обладать ею. Никогда не забывай умышленной обиды, — будь немногословен или вовсе смолчи и никогда не отвечай оскорблением на оскорбление. Если средства или обстоятельства не позволяют тебе блистать, не старайся скрывать лишений; скорее избери другую крайность: цинизм своей резкостью импонирует суетному мнению света, между тем как мелочные ухищрения тщеславия делают человека смешным и достойным презрения. Никогда не делай долгов; лучше терпи нужду; поверь, она не так ужасна, как кажется, и, во всяком случае, она лучше неизбежности вдруг оказаться бесчестным или прослыть таковым. Правила, которые я тебе предлагаю, приобретены мною ценой горького опыта. Хорошо, если бы ты мог их усвоить, не будучи к тому вынужден. Они могут избавить тебя от дней тоски и бешенства. Когда-нибудь ты услышишь мою исповедь; она дорого будет стоить моему самолюбию, но меня это не остановит, если дело идет о счастье твоей жизни».

А. П. Чехов в 1886 году также пытался вразумить своего брата Николая:

*«<...> Талант ставит тебя в обособленное положение: будь ты жабой или тарантулом, то и тогда бы тебя уважали, ибо таланту всё прощается. Недостаток же у тебя только один. В нём и твоя ложная почва, и твоё горе, и твой катар кишок. Это — твоя крайняя невоспитанность. Извини, пожалуйста, но *veritas magis amicitiae*²... Дело в том, что жизнь имеет свои условия... Чтобы чувствовать себя в своей тарелке в интеллигентной среде, чтобы не быть среди неё чужим и самому не тяготиться ею, нужно быть*

² Истина выше дружбы (лат.)

известным образом воспитанным... Талант занёс тебя в эту среду, ты принадлежишь ей, но... тебя тянет от неё, и тебе приходится балансировать между культурной публикой и жильцами vis-a-vis. Сказывается плоть мещанская, выросшая на розгах, у рейнскогового погребца, на подачках. Победить её трудно, ужасно трудно...»

Восьмой тип можно определить как **угрожающий**: автор обещает адресату собственные действия, которые приведут к неприятным для последнего последствиям. Обещаемые действия могут быть и реакцией на уже совершённые адресатом поступки.

В уже цитировавшемся выше письме А. С. Пушкина Л. Геккерну есть такой эпизод:

«Поединка мне уже недостаточно <...> нет, и каков бы ни был его исход, <я не почту себя> достаточно отомщённым ни <смертью...> вашего сына, ни <его женитьбой, которая> совсем имела бы вид забавной <шутки> <...> ни <наконец> письмом, которое я имею честь вам писать и список с которого сохраняю для моего <лич>ного употребления...»

Девятый тип содержания писем — **хулительный**: автор порицает адресата за какие-то поступки или качества характера, за общую манеру поведения или отношение к автору послания.

«Ваше поведение самым откровенным образом неблагородно. Вы — доносчик, и, как выяснилось, доносчик по призванию. Быть с нами, участвовать в наших рассуждениях и планах, а затем доносить всё это начальству — удел людей подлых, коим Вы и являетесь. Честные люди выражают своё несогласие открыто, остальные занимаются доносительством. Вы — из последних...»

К данному типу относятся и письма, в которых порицанию подвергается поведение или отдельные поступки самого адресата, то есть последний занимается самообличением. 29 октября 1914 года С. А. Есенин писал М. П. Бальзамовой:

«<...> Вы знаете, что между нами ничего нет и не было, то глупо и хранить глупые письма. Да при этом я могу искренно добавить, что хранить письма такого человека, как я, недостойно уважения. Моё я — это позор личности. Я выдохся, изолгался и, можно даже с успехом говорить, похоронил или продал свою душу чёрту, и всё за талант. Если я поймаю и буду обладать намеченным мною талантом, то он будет у самого подлого и ничтожного человека — у меня. Смейтесь, но для Вас (вообще для людей) — это тяжёлая драма.

Я разоблачил человека и показываю независимость творения.

Если я буду гений, то вместе с этим буду поганый человек. Это ещё не эпитафия.

1. Таланта у меня нет, я только бегал за ним.

2. Сейчас я вижу, что до высоты мне трудно добраться, подлостей у меня не хватает, хотя я в выборе их не стесняюсь. Значит, я ещё больше мерзкий человек. Вот когда я открыл Вам глаза. Вы меня ещё не знали, теперь смотрите! И если Вы скажете: “Подлец” — для меня это лучшая награда. Вы скажете истину.

Да! Вот каков я хлюст. Но ведь много и не досказано, но пока оставим.

Без досказа...

Прохвост Сергей Есенин.

Хулу над миром я поставлю

И соблазня — соблазню¹.

Эта сологубовщина — мой девиз...».

Десятый тип содержания письма определяется как **хвалебный**, не требующий особого мудрствования и словесных ухищрений: одобрение автором поступка, поведения, замысла, качеств характера адресата.

К примеру, А. П. Чехов в 1886 году в том же письме к брату так хвалебно оценивал его достоинства:

«<...> По-моему, ты добр до тряпичности, великодушен, не эгоист, делишься последней копейкой, искренен; ты чужд зависти и ненависти, простодушен, жалеешь людей и животных, не ехиден, незлопамятен, доверчив... Ты одарён свыше тем, чего нет у других: у тебя талант. Этот талант ставит тебя выше миллионов людей, ибо на земле один художник приходится только на 2 000 000...»

Одиннадцатый тип содержания можно определить как **совещательный**. Своеобразие его заключается в том, что автор зачастую не только пытается получить совет, обсудить какую-то проблему, но и с помощью совещательной интонации отстоять свою точку зрения, свою модель решения той или иной задачи.

«<...> Имею твёрдое желание посоветоваться с Вами относительно того, как необходимо, как допустимо излагать в соответствии с исторической правдой сущность “доброй славы” самодержцев XVIII — XIX веков в России и Европе. Насколько благосклонным или просто положительным должно быть отношение к ней. Не сложится ли в таком случае противоречие между исторической концепцией и тем, как в народе, в среде художественной интеллигенции воспринимались те, кто единолично вершил судьбами стран и наций?..»

¹ Строки из стихотворения Ф. Сологуба.

Двенадцатый тип содержания называется **просительным** и является письменным оформлением просьб или требований, возможно даже уговоров автора относительно адресата.

В июле 1784 года сенатор и переводчик Павел Иванович Фонвизин, младший брат Дениса Фонвизина писал директору и куратору Московского университета:

«<...> Я смею уверить ваше превосходительство, что с моей стороны употреблено будет всевозможное попечение к сохранению в сем месте благоустройства, для которого, кажется, необходимо должно мне жить в самом университетском доме. Приняв сие обстоятельство во уважение, ездил я вчерашний день туда нарочно для осмотра директорских покоев. Позвольте, милостивый государь, донести о сем вашему превосходительству во всей откровенности. Сколько я ни примышлял о расположении моём с семьёю моею в оных покоях, но никакого способу к помещению моему тут не открывается; умалчивая о худом состоянии оных покоев и о потребных к исправлению оных больших издержках, на случай, если б я имел способ в них поместиться. И для того беру смелость просить вас, милостивый государь, о дозволении мне занять средний этаж новопостроенного вновь жилого флигеля. Сия милость тем для меня будет чувствительнее, что, с одной стороны, я, заняв оный флигель не потерплю ни малейшей тесноты, которую бы в директорских покоях должен я был, конечно, чувствовать; а, с другой стороны, и классы те, кои в оном этаже находятся, равным же образом без малейшей тесноты в покоях директорских, конечно, поместятся, употребляя необходимо нужную на них поправку. Впрочем, как настоящее мое звание налагает на меня долг просить вашего превосходительства о преподании мне милостивых ваших наставлений, кои при первом моем вступлении должны мною быть приняты за правила всегдашнего моего поведения, то желал бы я, чтоб ваше превосходительство позволили мне на короткое время отлучиться из Москвы, чтоб я, воспользуясь оным, мог иметь честь увидеть вас персонально, принять ваши повеления и уверить вас изустно о том истинном почтении и совершеннейшей преданности, с коими я имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства всепокорнейший и послушнейший слуга».

Естественно, что сами формы письменного обращения с просьбами со времён XVIII века безнадежно устарели, однако нас в данном случае интересует сама просительная интонация, само просительное содержание, хотя и с точки зрения истории письма данный пример тоже интересен.

Следующий, **тринадцатый** тип письма — **вопросительный**, то есть предполагающий ответы на поставленные вопросы, хотя последние могут быть и риторическими.

В январе 1826 года поэт Е. А. Баратынский обращается к А. С. Пушкину:

«<...> Мне пишут, что ты затеваешь новую поэму “Ермака”. Предмет истинно поэтический, достойный тебя. Говорят, что, когда это известие дошло до Парнаса, и Камозэнс вытаращил глаза. Благослови тебя бог и укрепи мышцы твои на великий подвиг.

Я часто вижу Вяземского. На днях мы вместе читали твои мелкие стихотворения, думали пробежать несколько пьес и прочли всю книгу. Что ты думаешь делать с “Годуновым”? Напечатаешь ли его или попробуешь его прежде на театре? Смерть хочется его узнать. Прощай, милый Пушкин, не забывай меня».

Естественно, что наличие вопросительного типа содержание письма предполагает и **ответный**, по предлагаемой классификации — **четырнадцатый**. Здесь срабатывает принцип: вы спросили — вам ответили. И. С. Тургенев в декабре 1872 года пишет из Парижа:

«<...> В ответ на Ваш вопрос позвольте мне сказать, что поэзия никому и ни в какой век собственно не нужна; она — роскошь, — но роскошь, доступная всякому, даже беднейшему: в этом её смысл и красота и польза...».

Пятнадцатый тип письма можно обозначить как **иносказательный**. Такой тип используется обычно в связи с опасениями, что данное послание прочтёт кто-либо ещё, кому излагаемую информацию знать не надо бы, так как такое знание может принести вред и автору и адресату. Подлинная информация в таком письме скрывается тем, что автор пишет якобы о других событиях, поступках, явлениях.

Иносказание предполагает наличие некоего кода, который известен как пишущему, так и адресату, в противном случае информация не будет получена. К примеру, если читающий письмо не знает, как надо понимать слова «мрачное деревянное, замкнутое жилище», то ему будет недоступна в полном объёме информация: «Я узнал, что герой, противостоявший тебе, живет теперь в мрачном деревянном, замкнутом жилище, поэтому за безопасность свою можешь больше не волноваться».

Или другой тип иносказания находим в письме А. П. Чеховой Л. С. Мизиновой 27 марта 1892 года:

«<...> Увы, я уже старый молодой человек, любовь моя не солнце и не делает весны ни для меня, ни для той птицы, которую я люблю...»

Приглашая её же в гости, А. П. Чехов в письме от 17 мая 1891 года не может удержаться от иносказания:

«Приезжайте нюхать цветы, ловить рыбку, гулять и реветь... Приезжайте, и мы со всего размаха бросимся к Вам в объятия».

Шестнадцатый тип содержания письма — **объяснительный**. Этот тип содержания призван к тому, что чтобы раскрыть причины происходящего, произошедшего или раскрыть сущность рассматриваемого явления, процесса, тенденции и т. п.

В цитирувавшемся выше письме к брату (1886) А. П. Чехов счёл необходимым объяснить последнему, кто такие воспитанные люди:

«<...> Воспитанные люди, по моему мнению, должны удовлетворять след<ующим> условиям:

1) *Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы... Они не бунтуют из-за молотка или пропавшей резинки; живя с кем-нибудь, они не делают из этого одолжения, а уходя, не говорят: с вами жить нельзя! Они прощают и шум, и холод, и пережаренное мясо, и остроты, и присутствие в их жильё посторонних...*

2) *Они сострадательны не к одним только нищим и кошкам. Они болеют душой и от того, чего не увидишь простым глазом. Так, например, если Петр знает, что отец и мать сидят от тоски и ночей не спят, благодаря тому, что они редко видят Петра (а если видят, то пьяным), то он поспешит к ним и наплюет на водку. Они ночей не спят, чтобы помочь Полеваевым, платить за братьев-студентов, одевать мать...*

3) *Они уважают чужую собственность, а потому и платят долги.*

4) *Они чистосердечны и боятся лжи, как огня. Не лгут они даже в пустяках. Ложь оскорбительна для слушателя и опошляет в его глазах говорящего. Они не рисуются, держат себя на улице также, как дома, не пускают пыли в глаза меньшей братии... Они не болтливы и не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают... Из уважения к чужим ушам, они чаще молчат.*

5) *Они не уничижают себя с тою целью, чтобы вызвать в другом сочувствие. Они не играют на струнах чужих душ, чтоб в ответ им вздохнули и нянчились с ними. Они не говорят: “Меня не понимают!” или: “Я разменялся на мелкую монету!..”, потому что всё это бьет на дешёвый эффект, пошло, старо, фальшиво.*

6) *Они не суетны. Их не занимают такие фальшивые бриллианты, как знакомства с знаменитостями, рукопожатие пьяного Плевако, восторг встречного в Salon'e, известность по портерным... Они смеются над фразой: “Я представитель печати!!”, которая к лицу только Родзевичам и Левенбергам. Делая на грош, они не носятся со своей папкой на сто рублей и не хвастают тем, что их пустили туда, куда других не пустили... Истинные таланты всегда сидят в потёмках, в толпе, подальше от выставки... Даже Крылов сказал, что пустую бочку слышнее, чем полную...*

7) *Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женщинами, вином, суетой... Они горды своим талантом. Так, они не пьянствуют с надзирателями мещанского училища и с гостями*

Скворцова, сознавая, что они призваны не жить с ними, а воспитывающе влиять на них. К тому же они брезгливы... И т. д. Таковы воспитанные...»

Семнадцатый тип, схожий с порицающим, но только ещё более суровый — **обвинительный**, который можно понимать как предъявление в совершении поступков предосудительных, а то и вовсе преступных. Как пример порицающего типа содержания выше цитировалось письмо А. С. Пушкина барону Л. Геккерну от 21 ноября 1836 года, которое можно отнести и к обвинительному.

Православный мыслитель М. А. Новосёлов в 1901 году написал Открытое письмо Льву Толстому по поводу ответа последнего на постановление Святейшего Синода об отлучении писателя от церкви. В нём есть такой эпизод:

«<...> Чтобы не тревожить теней прошлого, укажу Вам на Вашу недавнюю сравнительно веещу с невинным и даже христианским заглавием “Не убий”, которая некоторыми лицами была понята совсем не так, как Вы, надо думать, желали, судя по заглавию, — и правду сказать, Лев Николаевич, не без основания на этот раз, ибо только слова говорили “не убий”, а дух брошюры питал то чувство, которое Иоанн Богослов называет человекоубийственным. Далее Вы признаётесь, что Вы отреклись от Православной Церкви, но не потому, что восстали на Господа, а, напротив, только потому, что всеми силами души желали служить Ему.

Не знаю, умышленно ли Вы опустили слова “и на Христа Его”, упомянутые в синодальном постановлении и однажды приведённые Вами... Их нельзя опускать. Церковь Православная (и не только Православная) теснейшим образом связана с Христом. И для всякого мало-мальски мыслящего (равно как и для не мыслящего, а одной детской верою ходящего) православного отречение от Церкви есть и отречение от Христа (и восстание на Отца Его), ибо Христос есть Глава Церкви, Церковь же Тело Его. На сего-то Христа Вы, действительно, восстали, что и сами признаёте спустя несколько строк. Служить же Вы хотите не Ему и не Тому Отцу Его (Господу), Которого знает и признаёт вселенское христианство, а какому-то неведомому безличному началу, столь чуждому душе человеческой, что она не может прибегать к нему ни в скорбные, ни в радостные минуты бытия своего.

Не буду касаться Ваших замечаний о том, как Вы исследовали учение Церкви, а равно и достоинств Ваших богословских трудов. Об этом довольно писалось за последние 10-15 лет. Позволю, впрочем, себе сказать несколько слов. Можно пожалеть, что Вам пришлось знакомиться с христианским богословием по руководству м<итр.> Макария¹. Может быть, приобщение на первых порах к более жизненной и животворящей мысли богословов-подвижников раскрыло бы Вам глубочайшую связь между христианским вероучением и нравственностью, а главное, ввело бы Вас в сферу внутреннего духовного опыта, при котором только и можно непоколебимо верить в догмат и сознательно его исповедовать.

Далее Вы говорите о церковных обрядах, о некоторых догматических

верованиях и таинствах. Всё это Вам представляется ложью, кощунством, колдовством, обманом. Не входя в подробности, которыми, повторяю, достаточно занималась духовная литература последних лет, разбирая Ваши произведения, я остановлюсь на некоторых общих соображениях.

В одной из глав Вашей критики догматического богословия Вы, говоря о Церкви, выражаетесь приблизительно так: “При слове “Церковь” я ничего другого не могу представить, как несколько тысяч длинноволосых невежественных людей, которые находятся в рабской зависимости от нескольких десятков таких же длинноволосых людей...” Я не опровергаю этого больше чем наивного определения Церкви, ибо знаю, что опровержение бесполезно, так как определение это вытекло не из логики, а из непосредственного восприятия Вами фактов текущей церковной деятельности. Пусть будет по-Вашему, пусть понятие о Церкви сводится к понятию о духовенстве, и пусть всё это духовенство будет сплошь невежественно и корыстно, пусть оно из самых низменных мотивов поддерживает церковное учение... Пусть будет по-Вашему, но ведь должны же Вы были задуматься над вопросом: когда возникло это учение?..»

В случае необходимости привести доводы, доказывающие невиновность самого автора или кого-либо, в защите интересов которого он заинтересован, обращаются к **восемнадцатому** типу содержания — **защитительному**.

6 ноября 1849 года И. С. Тургенев пишет английскому критику Генри Чорли:

«<...> У меня было намерение написать вам на следующий же день после премьеры “Пророка”, дорогой господин Чорли, но я всего лишь добавил камень ко всем тем, которыми вымощена дорога в ад, — вы ведь знаете, говорят, она вымощена благими намерениями. Однако мне не хотелось искать в этом оправдания, и я пишу вам сегодня. Начну, пожалуй, с сообщений о нашем друге; она была *rather nervous* {слегка нервна (англ.)} на премьере благодаря распространившемуся слуху о том, что ей хотят устроить скверный приём, дабы наказать за то, что она принимала участие в республиканском банкете в Лондоне. Этот банкет, как вы хорошо знаете, — нелепая басня — но эти добропорядочные и умеренные господа не слишком-то требовательны, когда речь идёт о том, чтобы оклеветать и оскорбить людей, которые не в состоянии себя защитить. — Г-жу Виардо приняли превосходно — и эти отважные господа не подали признаков жизни; однако страха, который она испытала, оказалось достаточно, чтобы не позволить ей до конца раскрыть свои возможности — и она по-настоящему стала сама собой лишь в 5-м акте. Но, начиная со второго спектакля, она предстала ещё более блистательной, чем когда-либо. Вы, должно быть, читали в газетах, что она также пела “Реквием” Моцарта на похоронах бедного Шопена. В церкви Мадлен, к сожалению, не очень хорошая акустика или, пожалуй, уж слишком хорошая — звуки там смешиваются и теряются. Тем не менее она спела свою партию великолепно, в том церковном — простом и величественном — стиле, секретом которого она обладает...»

Деятнадцатый тип содержания — **поздравительный**. К нему обращаются, когда надо разделить радость события, важного для адресата, отметить его успехи, победу, юбилей.

8 августа 1837 года Ф. И. Тютчев пишет родителям в связи с большой семейной радостью:

«Слава Богу. А вам я несказанно благодарен за добрую весть. Нет нужды говорить, сколько чувств во мне поднялось одновременно... Дашенька, друг мой, обнимаю тебя и новорожденного... благодарю, что поторопилась... Николай Васильевич, поздравляю вас... а вы, маменька... но для вас, маменька, у меня слов нет... День 7-го августа для вас останется памятен... Вас, любезный папенька, тысячу раз благодарю за то, что не отчаялись меня заставить и успели мне вовремя передать счастливое известие. Теперь я уезжаю с более лёгким сердцем... Мы поднимаем якорь через два часа. Ваш посланец расскажет всё остальное... Теперь, узнавши о случившемся, я переживу с вами мыслями весь вчерашний день, с самой той минуты, как вы от меня воротились. Маменька, скажите ради Бога, как вы это всё вынесли?...»

Марина Цветаева в связи с тридцатипятилетием творческого труда Константина Бальмонта сочла необходимо обратиться к последнему в том числе и с такими словами:

«Дорогой Бальмонт!

Почему я приветствую тебя на страницах журнала “Своими путями”? Пленённость словом, следовательно — смыслом. Что такое — своими путями? Тропинкой, вырастающей под ногами и зарастающей по следам: место не хождено — не езжено, не автомобильное шоссе роскоши, не ломовая громыхалка труда, свой путь, без пути. Беспутный! Вот я и дорвалась до своего любимого слова! Беспутный — ты, Бальмонт, и беспутная — я, все поэты беспутные, — своими путями ходят. Есть такая детская книжка, Бальмонт, какого-то англичанина, я её никогда не читала, но написать бы её взялась: — “Кошка, которая гуляла сама по себе”. Такая кошка — ты, Бальмонт, и такая кошка — я. Все поэты такие кошки. Но, оставляя кошек и возвращаясь к “Своим путям”: *Пленяют меня в этом названии равно-сильно оба слова, возникающая из них формула. Чтó поэт назовёт здесь своим, кроме пути? Чтó сможет, чтó захочет назвать своим, кроме пути? Все остальное — чужое: “ваше”, “ихнее”, но путь — мой. Путь — единственная собственность “беспутных”! Единственный возможный для них случай собственности и единственный, вообще, случай, когда собственность — священна: одинокие пути творчества. Таков ты был, Бальмонт, в Советской России, — таким собственником! — один против всех — собственников, тех или этих. (Видишь, как дорого тебе это название!)...»*

Письмо может быть **ироническим** по содержанию — **двадцатый** тип. Для него характерно наименование плохого хорошим, представление

пороков как достоинств, неблагоприятных поступков как благородных.

«... Премного благодарен тебе за самое тёплое расположение: давно меня не принимали так радушно и гостеприимно, забыв предложить даже чаю с дороги. Помня о случившемся, обещаю, что впредь буду вести себя исключительно благоразумно и не потревожу твоего тонкого вкуса своими маловразумительными стихами, которые ты, как истинно воспитанный, интеллигентный человек, даже не удосужился просмотреть...»

Двадцать первый тип содержания письма — **благодарственный**. Главное предназначение его — уверить адресата в том, что его добрые дела, поступки, поведение как таковое помнят.

В письме Ивана Дмитриева писателю В. В. Измайлову (октябрь 1816 г.) есть такой эпизод:

«Милостивый государь мой Владимир Васильевич! Благодаря вас искренно за дружескую доверенность, которою почтили меня в письме вашем, могу вас уверить, что я всею душою рад быть орудием монарших благотворений, а потому и покровительствуемая вами может надеяться получить в них участие, если по состоянию своему будет подходить под правила, которые даны в руководство комиссии. В противном же случае мне останется только сожалеть, что и дружба и сострадание подчинены законам. Я нетерпеливо жду вашего возвращения, так давно не имев удовольствия с вами беседовать; между тем с душевным почтением навсегда пребуду вашим покорнейшим слугою Иван Дмитриев. Москва, 1816 октября дня».

Или другой пример. 1 июня 1913 года С. . Есенин пишет М. П. Бальзамовой:

«<...> Как грустно мне твоё явленье!

Весна, весна, пора любви!¹ Милая Маня! Благодарю, благодарю глубоко и сердечно за твоё великодушие. Я знаю, ты, конечно, уже всё слышала о последнем моём периоде жизни. Маня, я искренно жалею, что не пришлось довершить до конца этих святых порывов; сил не хватило переносить насмешки и обиды. Кто знает, может быть, это самые высокие идеалы, которых ещё пугается человечество, но раз им не пришлось осуществиться, так предоставим их разбирать уже дальнейшему поколению. Воли у меня хватило бы идти на крест, но силы душевной и телесной совершенно был лишен я. Ну... Впрочем, я об этом никому никогда не расскажу, и к чему поднимать старые раны!.. Ох, как тяжело. Маня! Да и зачем я буду мучить себя...».

¹ Строка из стихотворения А. С. Пушкина.

Поэт делится с М. Бальзамовой своими самыми сокровенными мыслями, буквально раскрывает перед ней тайники своей души, анализируя переполняющее его половодье чувств и нисколько не опасаясь при этом быть предельно откровенным.

«Москва, конец 1912 г.

Дорогая Маня!

Благодарю сердечно за твой привет. Я очень много волновался после твоего письма. Зачем? Зачем ты проклинаешь несчастный, и без того обиженный, народ. Неужели такие пустые показания, как, например, "украл корову", тебя так возмутили, что ты переменяла вмиг свои направления, и в душе твоей случился переворот? Напрасно, напрасно, Маня! Это - пустая и ничтожная, не имеющая значения причина. Много случается примеров гораздо серьезнее этого, от которых, пожалуй, и правда возникают сомнения, и на мгновение, поддаваясь вспышке, готов поднять меч против всего, что тебя так возмущает, и невольно как-то из души вылетают презрительные слова по направлению к бедным страдальцам. Но после серьезного /о/сознания это все проходит, и снова готов положить душу за право своих братьев.

Подумай, отчего это происходит. (Я теперь тебя тоже уже буду причислять к моим противникам, но ты ничего особенного и другого чего не выводи.) Не вы ли своими холодными поступками заставляете своего брата (родства с которым вы не признаете) делать подобные преступления? Разве вы не видите его падения? Почему у вас не возникают мысли, что настанет день, когда он заплатит вам за все свои унижения и оскорбления? Зачем вы его не поддерживаєте - для того, чтобы он не сделал чего плохого благодаря своему безвыходному положению? Зачем же вы на его мрачное чело налагаете клеймо позора? Ведь оно принадлежит вам, и через ваше холодное равнодушие совершают/ся/ подобные поступки. А если б я твоего увидел потика, то я обязательно наговорил бы ему дерзостей. Как он смеет судить, когда сам готов снять последний крест с груди бедняка...».*

Представление о типах содержания письма даёт возможность каждому обратившемуся к этой, пусть сегодня и мало распространённой форме общения, выбрать стиль, интонацию, формы обращений в зависимости от ситуации, характера информации, которую необходимо передать, в зависимости от того, кто является адресатом и в каких отношениях с ним находится автор.

Семёнов Александр Николаевич

КУЛЬТУРА ЭПИСТОЛЯРНОГО ЖАНРА

Книга для учителя

*Оригинал-макет изготовлен
АУ «Институт развития образования»
Дизайн обложки:
Белов М.В.*

Формат 60*84/16. Гарнитура Times New Roman.
Заказ № 523. Усл.п.л.4. Электронное издание.

АУ «Институт развития образования»

628011, Ханты-Мансийский автономный округ-Югра,
г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 104

